

ПЁТР КОН

Ветер океана звезд

Часть 1

18+

К звёздам

Пётр Кон

Ветер океана звёзд. Часть 1

«Автор»

2025

Кон П.

Ветер океана звёзд. Часть 1 / П. Кон — «Автор», 2025 — (К звёздам)

В жизни курсантов Военной Академии имени Королёва грядут тяжёлые перемены. Начинается то, чего все так боялись, зная о неизбежности: война против Эстерайской империи. Второй взвод «Стратегической разведки» столкнётся с самыми тяжёлыми испытаниями, когда-либо выпадавшими на их долю. Дружбе, любви и новым знакомствам предстоит пройти жёсткую проверку на прочность. На этом фоне происходят таинственные исчезновения людей, окутывая Объединённый Флот завесой страха. Ветер океана звёзд разгоняет бурю, и в центре её окажутся все земляне. С верой в лучшее приключения Ромы Никитина и его друзей продолжают. Третья книга цикла «К звёздам».

© Кон П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Астрологический прогноз от Найдиса Сергеева	5
Парень с Земли	14
День Рождения	18
Первый советник Эстерау	23
«Сын Земли»	27
Королёв	31
Вновь на плацу	36
Долгожданные встреч	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ветер океана звёзд. Часть 1

Астрологический прогноз от Найдиса Сергеева

В Главном Поясе астероидов, этом древнем кладбище так и не родившихся планет, на поверхности гиганта по имени Церера мы и развернули свою деятельность. Здесь, в приполярных широтах среди кратеров-ловушек, мы вгрызались в вечную мерзлоту. Глубина залегания – не больше метра. Ледяные бруски, вырубленные примитивными инструментами, грузили на челноки. Минус 106 по Цельсию, гравитация, едва удерживающая пыль, и скудный запас воздуха в баллонах. Рай для старателей? Вряд ли.

Планетоид скрывал под ногами ледяную мантию – двести миллионов кубических километров чистого льда. Больше, чем все запасы пресной воды на покинутой Земле. Работы – непочатый край!

На звёздной карте Церера – едва различимая точка. Микроскопическая булавочная головка рядом с Юпитером. С Солнцем – и вовсе несравнима. Но в реальности этот карлик, принявший почти сферическую форму, раскинулся на площади, сходной по размерам Аргентине на забытой Земле. И сейчас, благодаря нашим усилиям, стал почти обитаемым – на свой лад.

Легальные базы – «Деметра», «Фердинанд-3», «Ульерикс» – кипели, словно разворошённые муравейники. Рабочие сновали по поверхности, их машины дробили ледяные глыбы, методично сдирая с планетоида верхние слои, пытаясь добраться до каменного ядра, но куда уж им. Толщина ледяного панциря – сорок километров, а местами – до сотни.

Но вся эта кипучая жизнь на Церере – временна. Безопасные купола и модули, возведённые Объединённым Космическим Флотом Земли, проработают лишь до тех пор, пока головная часть каравана не уйдёт слишком далеко. Расстояние между Церерой и уходящими кораблями будет неумолимо расти, и однажды разрыв станет настолько велик, что доставщики льда уже не смогут нагнать флот в разумные сроки. Когда челнокам потребуются недели и месяцы, чтобы добраться до потребителей, база потеряет смысл и тогда Церера умрёт во второй раз.

И что будет с рабочими – возможно, они и сами не знают. Может, перебросят на следующие астероиды, а, может, и вовсе отправят на Землю. Но базы-поселения здесь точно свернут.

В отличие от нас, «официалы» Флота добывали не только лёд, но и ценные минералы. Нам же Смотревший на звёзды поставил задачу проще: топить лёд и очищать воду. Основную её часть мы отправляли в цистерны – для питья, санитарных нужд, охлаждения реакторов. Остаток расщепляли на кислород и водород: первый шёл в системы жизнеобеспечения, второй – в топливные элементы. Тот ещё парадокс: энергию для наших вибрирующих лёдодобывающих развалюх давали... топливные элементы на *том же* водороде.

Солнечный свет, как источник энергии, здесь не в пример слабее, чем на матушке-Земле. Оно и понятно, ведь Пояс астероидов куда дальше от Солнца. А потому необходимо использовать для работы установок другой энергоноситель. Отсюда и вышел этот ироничный парадокс: мы расходует водород, чтобы его добывать.

Чистый, кристальный лёд, который так и просился кубиком в стакан виски, на поверхности не валялся. Разве что в полярных «ловушках», куда нам, нелегалам, путь был заказан – там хозяйничали официалы. Мы же копались в приповерхностном реголите, в пористой глине, где лёд был перемешан с пылью и камнями. Наши ручные инструменты – кирки, буры, дробилки – годились лишь для индивидуальной работы. Они крошили мёрзлую грязь, отделяя скудные ледяные крупы от пустой породы. Конвейерная лента везла эту смесь на сепаратор – отсеять зёрна льда от плевел реголита.

Наша задача была проста: копать и выживать. Последнее оказывалось сложнее. Любая отдача инструмента, сильнее обычной, могла швырнуть тебя в бездну из-за мизерной гравитации Цереры. Смерть подстерегала на каждом шагу. Грунт норовил выскользнуть из-под сапог скафандра. Или какой-нибудь заблудший булыжник – осколок астероида – мог врезаться в отряд, превратив старателей в кровавые пятна на бурой поверхности. Пятна, которым суждено было сохраниться миллионы лет – вечный памятник «водотрусам», как мы себя звали. Ироничное утешение: когда на Земле не останется и следа от человечества, эти пятна на Церере всё ещё будут рассказывать нашу историю.

– Ваня, ты весь дрожишь! – прокомментировал я без особого участия, глядя на его скафандр, подрагивающий в такт работе.

В ответ по радиосвязи донёсся сдавленный, нервный голос:

– Я... я просто хочу вернуться домой!

– Чувак, у тебя нет дома, – отрезал я холодно.

Ваня не ответил. Он с яростью вонзил бур в серо-бурую мерзлоту, работая теперь с удвоенной, почти истеричной силой, выплёскивая в удары всю накопленную злобу и отчаяние.

Да, мы все – экипаж «Владимира Крючковатого» – водотрусы, летаем от астероида к астероиду и вытряхиваем из них водичку, но Ваня Плотников единственный среди нас водотрус! В сверхразреженной атмосфере Цереры, в дымке водяного пара, этот румяный упитанный светловолосый юноша в скафандре смотрелся совсем уж не к месту. Даже я это осознавал. Слишком он был нервным и слабохарактерным для нелегальных приисков Цереры и суровой реальности «Владимира Крючковатого».

Ваня как-то рассказывал, что и на Земле знал: светлого будущего ему не видать. Сирота, без гроша, без связей. Да ещё и вечный неудачник. А когда пришли вести об Эстерайской империи и её планах, будущее начало представляться парню совсем уж безрадостным. Потому он проник на Флот неаккредитованным сотрудником, и обрёл пристанище на корабле-«курорте» «Заря на Азове».

И тогда Ване странным образом повезло. Очень скоро он показал себя блестящим системотехником и зажил припеваючи. Но недолго музыка играла, и вскоре светлая полоса вновь сменилась тёмной. Слух о том, что объявился якобы самородок по имени Ваня Плотников, пронёсся по Флоту со скоростью лесного пожара. Феномены – эти внезапные звёзды на фоне безмолвной космической ночи всегда заявляют о себе яркой вспышкой. А известие о них быстро доходит до Смотревшего на звёзды благодаря крепкой работе осведомителей. Через некоторое время Ваню похитили, а время спустя сирота и неудачник стал ценным активом корабля с дурной славой, но гордым именем «Владимир Крючковатый».

Эту сцену – Ванину яростную работу в ледяной пустыне Цереры – я вспомнил, наблюдая за его нервным, дёрганным движением сейчас. Мы ждали *ego*– Смотревшего на Звёзды. И в этой томительной паузе каждый из нас непроизвольно поднимал взгляд к бездонной черноте космоса, высматривая далёкие иглы белого Солнца, следил за роем астероидов – крошечных каменных осколков и глыб побольше, – безмолвно плывущих зловещими тенями.

А он? Смотревший на Звёзды видел сквозь ту же черноту совсем иное: ослепительное сияние самих светил – тех самых, бесконечно более великолепных родителей этой космической пыли и камня.

Мы замерли в зале совещаний, погружённом в полумрак. Лишь холодное сияние нескольких ламп да призрачные блики от аквариума нарушали темноту. За стеклом медленно скользила буро-коричневая акула, её пятнисто-белое брюхо мерцало в зеленоватой воде.

Гинерийскую акулу с Эстерау преподнесли Смотревшему эстерайские покровители – дар в знак восхищения его личностью и благодарности за верную службу. Размерами и свирепостью она соответствовала земной Белой, но отличалась причудливыми особенностями: кожи-

стыми рожками над глазами, длинными рудиментарными жгутиками, покачивавшимися в такт движению, и молотовидным спинным плавником, топорщившимся словно боевое знамя.

В зале собралось слишком много народу – дурное предзнаменование. Смотревший на Звёзды созывал всех лишь по самым серьёзным поводам. И причина на этот раз была весомой. Оттого-то Алиса Яришка и Алин Балтов сидели за длинным столом, белые как мел, дрожа мелкой дрожью. Объяснялось это не ломкой из-за отмены «Звёздной пыли», а леденящим душу ожиданием прихода Смотревшего.

Именно на них – на Алису и Алину – возложили ответственность за очистку лаборатории. Отскрести, отмыть, продезинфицировать до стерильности каждый сосуд, инструмент, каждый сантиметр поверхностей – таково было условие для синтеза идеального продукта: противоядия к химическому токсину, предназначенному для Академии Королёва. Помощь жертвам атаки не планировалась. Но страшила иная угроза: разгерметизация бомбы и утечка яда *здесь*, на борту «Владимира Крюковатого». Игнорировать такую возможность было глупо. Инструкция требовала: работать с аэрозольной бомбой массового поражения только при наличии антидота – белкового катализатора, блокирующего рецепторы токсина.

Удар по Академии планировался синхронно с первой фазой войны – распылением эстерайского вируса на Земле. В момент, когда офицеры-преподаватели и курсанты сокрушены и подавлены вестью из родного мира, и не готовы к удару изнутри. Эффект неожиданности, паника, слом дисциплины – вот что должно было обеспечить успех захвата с минимальными потерями.

Но очистка лаборатории была провалена. Противоядие синтезировали с браком. Вина лежала на Алисе и Алине. Теперь требовалось вновь добыть редкие реактивы – через взятки. И чёрт с ними, с деньгами, «Владимир Крюковатый» предоставил бы сумму – а Яришка и Балтов отработали бы её за несколько месяцев, но потеряно было невозполнимое – время! Из-за их ошибки график применения бомбы рухнул.

Они облажались по-крупному – с промывкой. Под ободом главного резервуара, в коварном желобке по всей окружности, затаился и не был смыт порошок очистителя! И когда завершалась финальная стадия производства, драгоценная жидкость приобрела неправильный цвет, утратила прозрачность и запенилась пузырьками.

Психотропная аэрозольная бомба для Академии Королёва – детище совместного замысла Эстерайской империи и Смотревшего на Звёзды. Вдохнув яд, курсанты, преподаватели, экипаж – все должны были погрузиться в психоз, галлюцинации, панику. Цель: захватить живыми, без боя, без сопротивления трезвого рассудка. Отравление Ветеньки Лесова и прочие инциденты по Флоту были лишь пробой пера, этапами отработки губительной формулы.

Теперь же из-за их прокола дата атаки срывалась. Деморализующий эффект не будет всеобъемлющим. Смотревший на Звёзды опаздывал с выполнением приказа эстерайских господ и его не ожидало ничего хорошего. А уж наказывать эстерайцы умеют.

Теперь они сидели там, меж двух верзил, готовых пресечь любую попытку к бегству. Хотя бежать было некуда – с подводной лодки в открытый космос? Алиса и Алин ждали лишь приговора.

Ковыренко толкнул меня в бок:

– Эй, глянь, опять «Земля-онлайн»!

Я проследил за его указательным пальцем, направленным на двух молодых бойцов, восторженно уставившихся в голые стены мрачного зала. Но я-то знал: они не стены видели, а призрачные образы родной планеты. Бешенство вскипело во мне, и я сердито воскликнул:

– Да какого хрена?! Вам нечем больше заняться?

Это изобретение человека, убившего моего отца. Не его рукой напрямую – тут замешана и моя группировка, – но вина – целиком на нём. Не будь его, мой отец был бы жив. Ради мести

я пошёл на всё. И не остановлюсь, пока не заставлю его заплатить сполна. А потом... убью. Убью Романа Никитина.

– Ответственность – это мера вины. Ваш поступок должен вызывать у вас безмерное чувство вины, – прозвучал из темноты спокойный голос, от которого кровь стыла в жилах провинившихся.

– Смотревший... – вырвался испуганный шёпот девушки.

Но Человек уже вышел из тени. Он строго запретил обращаться к нему по имени, отчеству, фамилии (её, к слову, вообще мало кто знал) или титулам. Только «Смотревший на Звёзды» – его устоявшийся позывной.

Это имя-титул звучало нелепо, но главное – каждый раз, произнося его, подчинённые испытывали жгучую неловкость. Неловкость за абсурдность обращения, навязанного им же самим. Выходило, он сознательно создавал эту искусственную ситуацию, чтобы мы – его приближённые – вечно чувствовали себя виноватыми за собственную неуклюжесть. Ни фамильярности, ни дерзости – лишь гнетущее смущение и растерянность.

Мы с Ваней и остальные наблюдали, сковываемые молчаливым ужасом.

Движением, быстрым и невидимым, человек накинул незримую петлю на запястье Алисы и дернул. Кисть с мокрым хлюпом отделилась от предплечья. Багровая струя хлестнула из обрубка, забрызгав Алину. Тот вскрикнул в ужасе. Алиса, окаменев от шока, вжалась в спинку кресла. Глаза её, уставившиеся на кровавый обрубок, вылезли из орбит, зрачки сузились в булавочные головки.

Смотревший на звёзды схватил девушку за другую руку, грубо рванул на себя и потащил к шлюзовой камере, вмонтированной в стену кают-компания. Никто никогда не видел, чтобы камера использовалась, – теперь ей предстояло стать орудием возмездия.

Алин, захлёбываясь истерикой, рухнул на колени, вымаливая пощаду. Алиса была безучастна, словно кукла. За ней тянулся размазанный кровавый след.

Человек нажал кнопку – внутренняя перегородка открылась. Резко толкнув девушку, он швырнул её внутрь. Ещё одно нажатие и перегородка захлопнулась.

– Декомпрессия. Полная, – властно приказал он.

Через смотровое окно мы увидели, как кислород стремительно уходит в щели, словно дым, втянутый гигантской тягой. Алиса стояла на коленях. Её взгляд метался, как зверёк, преследуемый хищником.

– Вакуум установлен, Смотревший на Звёзды, – доложил покорный голос.

– Открыть внешний шлюз, – прозвучал безжалостный приговор.

Внешняя створка отъехала. Мертвенная бледность лица Алисы мгновенно покрылась изморозью. Струя крови свернулась в ледяные кристаллы. Девушка замерла на миг – её не выбросило в бездну, ведь декомпрессию провели с коварной постепенностью по приказу Смотревшего. Как терракотовое изваяние она качнулась и рухнула на металлический пол шлюза, так и оставшись в коленопреклонённой позе. Но в отличие от хрупкой терракоты, тело не разлетелось на мелкие кусочки, а лишь заоченело, ноги её нелепо торчали вверх.

Ваня, казалось, похолодел, следя за происходящим. Смотревший на звёзды железной хваткой впился в локоть Алины и потащил его к аквариуму.

– Очиститель на полную мощность! – скомандовал он, поднимаясь по ступеням с жертвой.

– Да, Смотревший, – и лопасти винта взвыли, взбаламутив воду до «кипения».

Чудовище в переливающейся воде зашевелилось пуще прежнего. Я глянул на соседа. По виду Вани – его желудок переворачивался от страха. Смотревший на звёзды без тени колебаний толкнул Алину в аквариум. Вода хлынула через край.

Не прошло и трёх секунд, как монстр вцепился в жертву.

Акула терзала Алина Балтова. Спирали кровавой мути закручивались, втягиваемые фильтром. Чудовище рвало тело парня на части. Я дёрнулся, отводя взгляд. Ваню вырвало – соседи брезгливо сморщились и отпрянули. Тишину нарушали лишь вздохи отвращения и ужаса.

Но почему я не могу смотреть на эту страшную трапезу, окутанную подвижной кровавой дымкой без содрогания? Ведь в иное время я не без интереса понаблюдал бы за таким действием, и ни разу не отвернулся бы. Гинерийская акула разрывает беспомощного человека на куски и насыщается – редкое зрелище. Но сейчас... Меня сводит судорогой отвращения. Быть может, это гнетущее напоминание о хозяине чудовища? Да... пожалуй... Меня парализует мысль о том, что именно Смотревший на звёзды – владелец этого монстра. Он – средоточие почти безграничной, леденящей душу власти.

Человек, смотревший на звёзды, медленно спускался по лестнице. Он направлялся к выходу из кают-компания, ставшей на этот раз не просто залом собраний, но местом казни.

Я заставил свой голос звучать нарочито спокойно, словно картина оседающих на дно аквариума ошмётков Алина не пугала меня.

– Непобедимую армию создаёт не доблесть, а страх. Если солдат боится своего командира больше, чем смерти от руки врага – он пойдёт за ним в ад и выполнит любой приказ.

Услышал ли Ваня в моём тоне лишь холодную констатацию, словно я разбираю сцену из фильма, а не только что увиденный кошмар?

– Пойдём, – хлопнул я по плечу оцепеневшего товарища.

Личная армия, запуганная и преданная до рабства, как у Смотревшего – мощное оружие. Но для этого нужны репутация, ресурсы, время. Я жажду этого, но пока моя власть – капля в море. Пока я владею лишь личным оружием, измеряемым штуками, а не флотилиями или легионами.

В этом жестоком мире я ценю лишь одно: оружие. Оно даёт слабому силу отнимать жизни. Моё далеко не могучее тело не способно убивать голыми руками, но оружие – продолжение моей воли к разрушению. Я ценю его не за культ или красоту – это удел глупцов. Я – Найдис Сергеев – ценю практичность и смертоносность. Власть, что оно даёт: запугивать, калечить, убивать по необходимости. Молиться на пушки? Пусть это останется завсегдашья артиллерийских музеев. Я знаю, чем кинжал отличается от ножа – этого достаточно.

Мы с Ваней уже проходили мимо двери каюты Смотревшего, когда из щели неплотного притвора донеслись сдержанные голоса.

– Сатурновский форпост сообщает: флотилия прибывает через четыре месяца.

Сатурновский форпост. Эскадрилья эстерайских сторожевых кораблей, чьи суда-призраки дежурили на орбите Сатурна вот уже пятьдесят четыре года. Они появились в тених системы за двадцать лет до того, как эстерайцы официально явили себя Земле, задолго до посольских кораблей. Весь этот промежуток времени они засылали своих шпионов на Землю. И именно командование форпоста ввело меня в строй и защитило от гнева Смотревшего за мой проступок с «Носителем Факела» два месяца назад – в этом проклятом 2123-м.

Я осторожно прильнул к щели. Беседовали Смотревший на звёзды и его наперсник Люин.

– Значит, под Новый Год? – уточнил Смотревший, его голос был ровен, как поверхность чёрной дыры.

– Первая декада января, – ответил Люин, покрутив ладонями и этим жестом показывая приблизительный прогноз события.

– Солнечную систему проскочат на форсаже, вирус будет расплывён тогда же.

Слова на мгновение застыли в тяжёлом воздухе коридора. Четыре месяца. Срок, отмеченный нашей родной планете. Ваня замер, его дыхание стало резче, прерывистей.

– Да, но не будем забывать и о нововведениях, – заметил весело Люин. – У самой кромки колец Сатурна, в точке Лагранжа между планетой и её крупнейшими спутниками, станция эстерайских строителей и учёных завершила размещение входной горловины их «Континуумного Синхротрона». Они активировали Кротовую Нору.

– Смогли её стабилизировать и синхронизировать? Невероятно. Их план, как мы и предполагали? – уточнил голос.

– Да. Используя нору. Будут брать на бордаж земные корабли, затем под своё управление и переправлять на Корабли жизни. Далее – через синхронизированную Нору – мгновенный переход в систему Ариэль-Нимроди, к Лирюлту. Затем на их кораблях с «Взрывным инвертором» – около трёх недель до Эстерау. Дальше – по плану: распределение и... конечная ассимиляция.

– Эй! Не слишком ли близко ты у двери встал? – голос Ковыренко, толкнувшего меня в бок, прозвучал так звонко и внезапно, что я вздрогнул. Ваня также слегка подскочил от неожиданности. Чувствуя горечь от упущенной возможности дослушать разговор до конца, я с деланной неуклюжестью улыбнулся так называемому товарищу.

В следующий миг дверь полностью открылась, и из каюты вышел Люин.

Он тут же сгрёб меня за шкуру. Внутри всё перевернулось от чувства унижения и страха. Ваня тотчас же куда-то улепетнул. Да, кажется, меня поймал за руку не только проклятый Ковыренко, но и гораздо более неприятный человек. За то, что я подслушивал? Несомненно.

Люин держал крепко. Не вырваться, сколь ни дёргайся. Внутри извивался страх, как трепыхалась бы змея, которую душат. Ярость поднималась скачками и подступала к горлу от осознания того, что со мной вообще обращаются так неуважительно. И Люин ещё предьявит мне за этот поступок.

– Подслушивать – нехорошо! – строгим и укоризненным голосом сказал он.

Если главного звали Смотревшим на звёзды, то этот тип заслуживал звание Смотревшего за людьми. А точнее – Следящего. Следящий и доносящий. Следящий и пишущий, всё смотрит-высматривает и пишет. Всё записывает, а потом доносит. Крыса...

Люин хорошенько встряхнул меня. Я не самый крепкий в рядах их наймитов, но и дистрофиком себя называть никому не позволю. На крайний случай с этой задачей мне поможет справиться моя коллекция холодного оружия. Но я никак не ожидал, что в руках Люина окажется столько силы, и что всю её он применит ко мне. Так-то противник он сухопарый и лишь самую малость выше меня.

– Будешь лезть своим носом в дела главного, я тебя быстро выкину через шлюзовой отсек! – жёстко пригрозил Люин.

– Оставь меня! – взвизгнул ему в ответ. – Я не мальчишка, чтобы так со мной обращаться. За последнее время я кое-чему научился, и даже твоя некоторая приближённость к Смотревшему не поможет тебе в бою со мной.

– Великий воин, значит? – отступил Люин, решив великодушно подыграть этим моему выпадку. Судя по усмешке на его лице, мои амбиции он расценивал не более, чем детсадовскими. Ковыренко с некоторой сдержанностью наблюдал за нашим столкновением. Отстранённо и не вмешиваясь.

– С некоторых пор, – уверенно ответил я.

– Всё, на что ты годишься, это размещать электромагнитные бомбы на гражданских кораблях, подбрасывать пистолеты отвергнутым ревнивицам и отправлять грозные послания. Найдис, ты мелкая крыса, и однажды тебя постигнет участь крысы.

– Не раньше, чем тебя, Люин, – источая смертельную ненависть, прошипел я.

– Последний раз тебя предупреждаю – будешь разнюхивать о делах Смотревшего, мы проредим твои тернии и отправим прямиком к звёздам.

Бросив это леденящее предостережение, Люин развернулся и покинул наш круг. Он вернулся в тень своего патрона. Я следил за его спиной, пока она не растворилась в полутьме каюты.

Ковыренко грубо толкнул меня в бок – его излюбленный способ напомнить о себе, отчего горечь в моей глотке стала ещё острее. Он молча указал мне направление и скрылся, погрузившись в рутину своих обязанностей.

«Не ты один отправляешь шифровки, подлец, – полыхнуло во мне, глядя вслед Люину. – Я знаю твои игры. И за это я однажды внесу в меню этой проклятой акулы новое блюдо.» Я поклялся себе в этом, сверля ненавистью закрывшуюся дверь. «Не будь ты кровью от крови этого человека, которого я ненавижу всеми фибрами души, твои кишки уже украшали бы палубу.»

Вспороть бы его. Тем самым складным ножом, чья знакомая тяжесть успокаивающе давила на грудь из внутреннего кармана жилета. «Но я в западне на этом корабле. И приходится заталкивать ярость в самую глубь, туда, где она лишь копится, как плазма в перегретом реакторе».

Мысль о работе ножом над его животом согревала. Ножевые ранения в живот – агония чистой воды, часто смертельная. Я, Найдис Сергеев, мог бы резануть поперёк, выпустив наружу кишки, как алые змеи. Воткнуть клинок в глазницу – не добывая, а лишь вычеркнув полмира из его зрения. Поработать в паху – где мочевого пузырь рвётся, как гнилой мешок, а боль сводит с ума не меньше чем в случае с брюхом.

Я изучал язык стали. Фехтовал навахой на испанских дуэлях *baratero*, канувших в Лету. «Чикался» цыганскими ножницами. С пелёнок меня лепили доверенные отца. Крёстный вкладывал в одну руку ложку с кашей, в другую – стилет, уча жизни и смерти одновременно. Я впитывал искусство убивать из всех щелей этого мира: от союзников отца до уличных наёмников, шедших на всё за благосклонность авторитета.

Сталь познавал в Североморске. В Сочи, под крылом своей «ледяной» матери и её тене-вых приспешников, перешёл на нейро-ножи. Сражался в виртуальных «Рингах смерти» – цифровых ямах криминальных сочинских районов – против теней без имени и лица. Не оставил сталь и на «Крючковатом», хоть и нашёл здесь мало ценителей поединков. Трёх громил Смотревшего хватало, чтобы моя рука не забыла веса клинка. Дрались до первой крови – но и её хватало, чтобы помнить упругое сопротивление плоти под остриём.

В прошлом году я водил за ниточки Полярина Алфёрова – его преданность и глупость были удобны. Теперь же – время встретиться с главным врагом лицом к лицу. Пусть Никитин мнит меня хилым кукловодом, плетущим паутину из теней. Его ждёт сюрприз. Когда мы сойдёмся в поединке клинков, он узнает: всё свободное время я точил не интриги, а сталь и навык.

– ...Далее – через синхронизированную Нору – мгновенный переход в систему Ариэль-Нимроди, к Лириолту. Затем на их кораблях с Взрывным инвертором – около трёх недель до Эстерау. Дальше – по плану: распределение и... конечная ассимиляция.

– Нас подслушивают, – внезапно прервал Смотревший на Звёзды, его пальцы замерли на столе. Люин настороженно огляделся. – Уже нет. Его спугнули. Но след ещё тёплый. Проследи, чтобы слушатель отправился в свою каюту. Немедленно.

Люин кивнул и бесшумно вышел. Вернувшись через несколько минут, он лишь качнул головой – нарушитель отправлен по месту прописки.

– Неужели этот скользкий проныра не понимает, что моему терпению вот-вот придёт конец? – проворчал Смотревший. Он откинулся в кресле, и в его глазах вспыхнули редкие искры настоящего гнева. – Он сознательно спутал мне все карты, повёл себя безрассудно и борзо, решив прямо перед самой атакой на «Носитель Факела» её рассекретить.

– Ненависть – плохой советчик, но мощный двигатель, – осторожно заметил Люин, в его тоне сквозил подобострастный такт. – Я так полагаю, он сложил два плюс два и понял, что к убийству его старика причастен именно *ты*. Но мстить тебе или эстерайцам – самоубийство. А вот свести счёты с сокурником, используя наши же ресурсы... это он счёл допустимым риском.

– Решение по его отцу было стратегическим, а не личным, – Смотревший отмахнулся, будто говоря о пустяке. – И меня не терзают угрызения. Меня терзает его неслыханная дерзость! Он позволил эмоциям перевесить инстинкт самосохранения и угробил *мой* план убить ту, на кого я нацелился. А всё почему? Потому что разболтал всё, да не кому-нибудь, а самому *Никитину*! Тут его отсебятина уже второй раз перекраивала мой сценарий. Я задумывал, что погибнет *она*, а Сергеев воспользовался моими ресурсами, чтобы заманить на «Носитель» Никитина и убить *его*. В итоге не пострадал ни один из них. Погибли только экипаж и капитан корабля, своей цели я не достиг, план провалился. Они *оба* уцелели. Я бы придушил его своими руками за такую глупость!

– Но не можешь, – констатировал Люин. – После провала он сразу побежал к нашим эстерайским «друзьям». Упал на колени, клялся в верности, убедил их, что его личная война с Никитиным работает на благо Империи. Они даровали ему защиту. И, надо признать, его мелкие пакости действительно сеют хаос в стане врага.

– Умён ровно настолько, чтобы быть докучливой занозой, – ядовито резюмировал Смотревший. – Но его игры в Королёве закончены. В этом семестре я задействую других агентов. Посмотрим, на что они способны.

Воцарилось молчание. Люин, чтобы разрядить атмосферу, церемонно поправил манжет и спросил почти шёпотом:

– Как... самочувствие?

Ответ заставил его кровь похолодеть:

– Не очень.

Между ними повисла тяжёлая пауза, напоминающая о той их последней встрече с бокалами красного, когда они обсуждали будущее Объединённого Флота Земли.

– Что чувствуешь? Боль? Отторжение? – Люин едва сдержал дрожь.

– Отторжения нет. Но чувствую, что микрочипы... не приживаются. Тело отказывается их принимать.

– Это... это путь в никуда! – голос Люина сорвался на шёпот, полный ужаса. – В конце которого только смерть! Я говорил – не надо даже пробовать! Эстерайцы же предупреждали – эти проклятые микрочипы только для Универсальных Носителей! Ты знал – нужен особый генетический код! Чёрт возьми... – Он замолчал, поймав усталый, но ледяной взгляд Смотревшего. Люин с силой выдохнул, заставив себя успокоиться. – Они перекроили себя на геномном уровне, став Универсальными! Лишь поэтому и могут вживлять чипы и совать нос в чужие миры!

– Я в курсе, – голос Смотревшего звучал с ледяным безразличием космического вакуума.

– И что теперь? – выдохнул Люин, опустошённый.

Смотревший на Звёзды пожал плечами с видом человека, обсуждающего погоду:

– Есть... хитрость. Можно попытаться пересадить *грузна* другого носителя. Передать эстафету, так сказать. Но для этого, опять же, потребуются *их* технологии. А значит, придётся дожидаться прибытия нашего высокого начальства.

– И как ты это провернёшь? – в голосе Люина зазвучал скепсис, смешанный с отчаянием.

– В Академию Королёва в этом году поступает свыше тысячи новобранцев, это будет уже не полк, а целая дивизия. Закон больших чисел – статистика неизбежно выдаст нам хотя бы одну девушку с нужным кодом. – Смотревший прищурился, и на его губах появилась тонкая, хищная улыбка. – При поступлении все их личные дела, вся биометрия ляжет мне на стол. Ах, да... – он изобразил внезапное прозрение, и эта наигранная невинность заставила

Люина содрогнуться. – И знаешь, что самое ироничное? Теперь я почти рад, что *она* выжила на «Носителе Факела» и подала документы в Королёв. – Он сделал театральную паузу, наслаждаясь эффектом. – Их обоим ждёт нечто неизмеримо более ужасное, чем простое забвение.

Люин молча смотрел на него – на этого человека, связанного с ним кровными узами и пропастью во взглядах, – с тяжёлой, давящей грустью. Спорить было бессмысленно. Этот безумный план, вероятно, и вправду был последней соломинкой, за которую хватался тонущий титан.

Парень с Земли

Жилищный корабль «Мурманск» дышал упорядоченной жизнью гигантского улья. Его гражданские палубы, плотно укомплектованные квартирами-сота́ми, опоясывали правый и левый борт стального острова. В сердцевине, на основной палубе, широкой лентой раскинулся центральный бульвар – артерия и фактическая площадь этого космического города-сада.

В двух стратегических точках стеснённые ряды жилых ячеек отступали, уступая место озеленённым оазисам. Здесь, под куполами специальных прожекторов, излучавших жизне-творный спектр, пышнели настоящие земные сады. Шептались листво́й деревья, пестрели клумбы, а фигурно подстриженные топиары – львы, слоны, лошади и медведи – застыли в зелёной скульптурной тишине, напоминая о потерянной планете.

За парками, как драгоценное ожерелье, тянулась галерея: шесть отполированных блоков, соединённых ажурными переходами. Их плоские крыши, укреплённые и озеленённые, служили вторым ярусом променада – смотровой площадкой над суетой бульвара. Внутри же кипела земная (почти земная) цивилизация: бутики мерцали витринами, из кафе плыли ароматы кофе и сдобы, работали ателье, ремонтные салоны, виртуальные киоски. Пространства между блоками стали миниатюрными райскими уголками: искрились фонтаны, манили прохладой бассейны, зеленели дендрарии, а в специальных зонах можно было виртуально побродить по городам, лесам и пляжам давно покинутой Земли.

Здесь, на «Мурманске», люди яростно цеплялись за иллюзию земного быта. Жили по заведённому расписанию: утренний кофе, работа, вечерний отдых. С рассветом (искусственным, но тёплым) оживали кафе, садовники с почти религиозным трепетом обреза́ли листву в садах, и город гудел знакомым земным гулом. Почти знакомым.

Отличия же, как подводные рифы, таились в самой системе. Вода – драгоценная влага – проходила бесконечный цикл: очистка, фильтрация, повторное использование. Мусор не выбрасывали в никуда – его препарировали, разбирали и превращали в ресурс. И этот процесс, эта скрытая алхимия, стала жирным, тeneвым бизнесом. Весь корабль, от капитана до младшего механика, был вовлечён в этот симбиоз, как шестерни единого, безупречно смазанного механизма. Или как органы живого тела: кровь (ресурсы) бесперебойно текла по артериям трубопроводов и капиллярам коммуникаций, питая комфорт и порядок, порождая зависимость и прибыль.

И если отбросить мрачные мысли, жизнь здесь казалась идиллией – довольной, благополучной. Многие знали друг друга ещё со времён Земли, а за полтора года космического плаванья «Мурманск» сплёл их в плотную, почти родственную общину. Архитектура палуб – эти сближающие соты и общие пространства – только способствовала этому.

Под конец искусственного лета 2123 года, у обзорного окна пятой жилой палубы стоял молодой человек по имени Роман Никитин – один из трёх с половиной тысяч душ, населявших этот стальной мир-улей. Но смотрел он не вниз, на оживлённый бульвар, где кипела тщательно срежиссированная жизнь космического «града земного», а на ледяное сияние звёзд за особо прочным кварцевым стеклом.

Что влекло его к этому виду сегодня? Рома не мог дать себе ясного отчёта. Но в этот вечер, 30 августа, за сутки до возвращения в родные стены Военной Академии, он захотел свернуть полюбившийся искусственный пейзаж, установленный неподалёку от их с отцом каюты, и обратиться к суровой, неприукрашенной правде чёрной бездны, усыпанной алмазной крошкой далёких солнц.

До сего дня он не решался перекрыть трансляцию интерактивной проекции, испытывая смешанное чувство благодарности и смущения. В окошке коридора вечно колыхался знакомый до боли Кольский залив Баренцева моря – иллюзия, созданная «умными» жалюзи с беспре-

рывной голографической трансляцией. Этот дар – возможность видеть кусочек родной Земли – был особой привилегией, символическим жестом признания. Как создателю Пространственного визуализатора, принёсшему ощутимую пользу Объединённому Космическому Флоту Земли, Роме устроили эту персональную трёхмерную проекцию. Официального торжества с оркестром и речами не было, весь «Мурманск» не собрали на площади, но по его прибытии из Академии на двухмесячный летний отпуск, капитан, старпом и глава управы города вручили парню знак «Почётный гражданин корабля-города». Знак лежал в ящике, а залив – в окне. До сегодняшнего вечера.

Виртуальный тур по Земле набирал всё больше положительных отзывов. Купить его за умеренную плату мог любой желающий на официальном ресурсе Романа Никитина. А среди населения загуляло название «Земля-онлайн». Но потом молодой предприниматель понял, что надо изменить название. Пространственный визуализатор – таково было его решение. В ходу также появились имена «Пространственный имитатор», «Телепортационный симулятор» и «Планетарный визуализатор». В народе мигрирующего флота название «Пространственный визуализатор» почему-то хотели исковеркать на любой лад, какой только возможно.

Замкнутое пространство стерильного корабля всё же угнетало однообразием. Заменить родную Землю искусственными парками невозможно. Люди всё равно будут скучать по настоящей планете. А через Пространственный визуализатор они могут её хотя бы видеть. Гулять по оставленным городам, посещать любимые места.

Именно поэтому, как казалось самому Роме, ему присвоили звание почётного гражданина и обвешали всяческими регалиями. Хотя он прекрасно понимал, сколь многие ему должны были если не завидовать, то хотя бы раз взглянуть с презрением. Но аттракцион приносил разрядку и снимал нервное напряжение. Родные места и сочные краски живого органического ландшафта Земли пробуждали радость в душах людей и даровали отдых на какое-то время. Во время торжественной церемонии Рома видел чувство искренней благодарности на лицах глав управы города.

Однажды, активировав «Землю-онлайн», Рома погрузился в виртуальную прогулку по вечернему Североморску. Родные улочки раскинулись перед ним, как живая карта памяти. Пространство для этого призрачного странствия давала широкая городская эспланада «Мурманска», правда, путешествие требовало осторожности: периодически вынимая чип изо рта, он сверялся с окружающими предметами, чтобы не споткнуться обо что-нибудь или не натолкнуться на кого-то из горожан.

Солнце, скатываясь за пределы Полярного круга, зажгло небо апокалиптическим пожаром. Над холодным морем разлилась фантасмагория цветов – как будто расплавленный электрум слился с густым соком смородины, создавая неземное сияние. Проходя мимо шумного квартала, Рома замер – перед ним была та самая булочная, где он подрабатывал в четырнадцать лет. И тут, словно откликаясь на его воспоминания, на крыльцо вышел сам кондитер-директор, его бывший работодатель, с видом человека, готового приветствовать старого знакомого. В этот миг пронзительный звонок компакта врезался в тишину виртуального мира – звонил Тамар Науменко.

– А чё б нам не встретиться? – в который раз предлагал парень.

Рома отмахивался с нарочитой небрежностью:

– Чем дольше ждать – тем ярче фейерверк при встрече!

Конечно, встретиться рвало душу, но весь летний отпуск Рому закрутило в водоворот судебных разбирательств. Неугомонные пользователи его аттракциона «Телепортация-онлайн», или как они там выбрали его называть, сыпали исками. Люди калечились на виртуальных улицах, получая фантомные травмы от несуществующих машин. Их психика трещала по швам, когда они, засмотревшись на земные красоты, оказывались под колёсами. А уж

отдельные «смельчаки» и вовсе испытывали гравитационные аномалии на собственной шкуре – гуляя по морю в шторм.

Ко всему прочему, находились гении, которые умудрялись проглатывать датчики. Вывести их естественным путём удавалось далеко не всегда, и несчастным светила хирургическая операция. Адвокат Ромы парировал: на сайте красовалось предупреждение о технике безопасности, да и со старыми-добрыми вкусовыми имитаторами подобные казусы случались куда как чаще. К чести защитника, Рома выиграл все процессы.

– Чего-чего? – едко переспросил Тамар.

– Чем дольше ждать – тем ярче фейерверк при встрече! – как заезженную пластинку, отбарабанил Рома, пытаясь скрыть усталость за показным спокойствием.

– Тебя что, подменили? Звучишь как документальная хроника! – фыркнул друг с досадой.

– Как Армавир, что ли?

– Ну, хоть чувство юмора осталось при тебе! – усмехнулся Тамар.

Весь двухмесячный отпуск парень не видел своих однокурсников, а лишь связывался с ними через компакт.

Свободные минуты он бездумно топил в Пространственном визуализаторе. Однажды, бродя по набережной Кольского залива Баренцева моря, он замер. Небо висело низко, свинцовое от набухших туч, готовых излить потоки дождя. Вдалеке, по серебристо-серой глади ползли огромные сухогрузы. Необъятные, рыбообразные корпуса пестрели красными, чёрными и белыми полосами. Когда-то их покраской занимался его отец – Фёдор Никитин. Это было в те времена, когда Рома десятилетним мальчишкой вился волчком на улице, ведя священную войну против девчонок лишь на том основании, что они – не мальчики и недостойны человеческого обращения. Сейчас же парень заворуженно наблюдал за этими простыми, земными чудесами с помощью своей технологии.

Именно там, на набережной Кольского залива, Рома впервые нарвался на серьёзный глюк. Внезапно пейзаж поплыл, заколебался, и вместо Баренцева моря и разрезающих его стальные воды сухогрузов, перед ним возник двор знакомого до боли жилого дома. Он тысячу раз пересекал его – ведь жил как раз в том самом доме, что теперь маячил перед ним. Рома инстинктивно шагнул вперёд – и набережная окончательно растаяла, словно мираж.

Рома вытащил чип изо рта и растерянно пробормотал:

– Координаты, что ли сбились?

Но вскоре от пользователей посыпался шквал жалоб. Жалобы были не просто обоснованными – они звучали как один навязчивый кошмар. Человек шёл по виртуальной улице своего города, целенаправленно двигался куда-то, и вдруг – окружающий мир начинал течь, переливаться. Знакомая улица плавно деформировалась, перетекая в совершенно чужую, отдалённую местность, иногда на другом конце планеты, абсолютно не связанную с исходной точкой.

Единичный сбой ещё можно было списать на бракованный чип. Но когда жалобы пошли лавиной, игнорировать проблему стало невозможно.

Рома терялся в догадках. Отдельные баги в аттракционе, конечно, проскакивали. Со временем в голову закралась крамольная мысль: а не специально ли злоумышленники заливают в скачиваемые файлы (координаты со спутников Земли) трояны и вирусы? Но объявить войну невидимкам, вычислить их и привлечь к ответу в одиночку было делом гиблым.

На Флоте – 28 миллионов душ. Почти половина из них – клиенты аттракциона. Согласно аналитике, каждому восьмому пользователю доставалась порция вредоносных сбоев или «сюрпризов». Масштаб атак требовал колоссальных вложений в кибербезопасность – пропорциональных самой проблеме. Рома не боялся трат и был готов к убыткам, лишь бы гарантировать качество. В конце концов, любой предприниматель, мечтающий о процветании и крепкой репутации, обязан держать марку.

Он штурмовал компании по киберзащите, нанимал хакеров и консультировался со службой виртуальной безопасности Объединённого Флота. Иногда, особенно по ночам, его терзала параноидальная, противная самому себе догадка: а не сработались ли эти самые защитники с мошенниками, специально калеча его программу, чтобы создать спрос на свои услуги? Так или иначе, парень оказывался в тупике и нырял в новые финансовые пучины. Он заключал побочные контракты, чинил арендованный под сборочные станки рабочий корабль, и скромное дело курсанта-бизнесмена обростало непредвиденными направлениями как космический мусор. В итоге, руководя совместно с отцом «Пространственными визуализаторами», к первоначальному штату из пятидесяти техников он прибавил кибернетика, программиста, бухгалтера, менеджера по работе с клиентами и партнёрами, и обзавёлся постоянным юристом.

Расписывать все эти перипетии Тамару в подробностях потребовало бы минимум ещё одного отпуска, которого у них уже не было. Вообще, размах, который приняла «Земля-онлайн», порой – к его же удивлению – ошеломлял самого Рому. Особенно наглядно это было видно по армии курьеров. Сначала сотня, потом полторы, затем пятьсот, тысяча... А дальше – с ростом популярности визуализаторов – потребность во фрилансерах взлетела до небес. И если раньше их количество изменялось волнообразно, то теперь и вовсе росло стихийно.

Рома уставился в обзорное окно. За толстым стеклом не звёзды плыли в невообразимой дали. Это их титанический ковчег беззвучно скользил сквозь пустоту, а обзор из окна был лишь крошечным срезом бесконечности. Звёзды нерушимо гнездились в сердцах своих систем, порождая невидимые силовые поля, что заставляли планеты неустанно бежать по эллиптическим орбитам.

День Рождения

За десять дней до этого вечера Роме исполнилось девятнадцать. Однако настроение его было не слишком праздничным. Сердце покалывала гнетущая тоска. В этот день, в день его рождения, не стало его матери. Но отец, Фёдор Никитин старался быть максимально тактичным, бережно обходя эту дату, чтобы хотя бы тень скорби не ложилась на сына в день рождения.

На празднование Фёдор и Рома позвали Ирму и Зоитерн Иноземцевых. Хотя «пригласили» – не совсем точное слово. К тому времени Фёдор и Ирма уже жили вместе на её личном корабле, и их союз казался крепким и счастливым. Хоть один островок стабильности, о котором Рома мог не тревожиться. Подготовкой праздника занимался в основном Фёдор, и сейчас он был на «Мурманске», в их с Ромой каюте, которую они ещё с прошлого года называли родной.

Большую часть летнего отпуска Рома провёл здесь в одиночестве. Фёдор же обитал у Ирмы, откуда удалённо курировал их общий проект, часто советуясь с невестой.

Сама госпожа Иноземцева определила новоявленного жениха в свою организацию. Так Фёдор стал консультантом по вопросам энергоснабжения кораблей телеканала. Решение оказалось идеальным: рабочие вопросы Фёдор и Ирма решали на месте, а его включение в систему было максимально эргономичным. Да и после работы они могли сразу сесть за ужин без лишних задержек. Правда, порой Ирма срывалась по неотложным делам на корабли телеканала, а Фёдор пару раз прилетал и проводил целые дни на «Мурманске» с сыном.

Свою сводную сестру Зою Рома за весь отпуск видел лишь дважды – один раз заскочили в бар «Море космонавтов», другой – закупились одеждой там же, в «Золотом Руне». Зоя и Ирма наконец прибыли к праздничному столу, который накрывали мужчины. Фёдор и Рома радушно встретили гостей – прелестных, празднично одетых женщин.

– Ох, что-то мы долго провозились, – Фёдор бросил взгляд на полупустой стол и развёл руками. – Не успели накрыть.

– А всё потому, что особое украшение для стола у нас с собой, – улыбнулась Ирма и достала из элегантной сумочки бутылку выдержанного сухого красного.

– Всегда знал, что в дамской сумочке таятся самые приятные сюрпризы, – рассмеялся Фёдор.

Настоящая еда в космосе оставалась роскошью. А уж напитки – тем более. Дорогое, почти недоступное удовольствие для тех, кто не мог позволить себе раскошелиться на гастрономические изыски. Остальным служили верой и правдой вкусовые имитаторы.

Ирма и Зоя сразу включились в помощь, расставляя посуду и раскладывая угощения. Пока шли последние приготовления, Рома успел изрядно проголодаться – намеренно пропустив днём нормированный паёк Объединённого Флота, он теперь ощущал, как желудок жалобно урчит. Нетерпение взяло верх. Подойдя к отцу, он с провокационной невинностью заявил:

– Я уже аккуратно отрезал себе кусочек от «Наполеона».

Торт, по задумке, должен был предстать перед гостями во всей своей нетронутой красе лишь к десерту. Отец, не веря своим ушам, в немом ужасе уставился на сына. Рома поспешил раскрыть карты, расплываясь в ухмылке:

– Шучу!

Фёдор смерил его укоризненным взглядом, но уже с тенью облегчения предложил:

– Отрежь себе кусок языка.

– Своего?! – изобразил преувеличенный ужас Рома.

Отец лишь хмыкнул:

– Хочешь – своего. А хочешь – деликатесного. Выбор за тобой.

За время путешествия земляне, и Рома, в частности, постигли истину о еде. Месяцы безвкусных, точно отмеренных питательных пайков обострили восприятие. Разница между жизненно важным синтетическим рационом и натуральной кулинарией как искусством стала разительной. Теперь любое, некогда обыденное блюдо поражало деталями: золотистой корочкой, хрустом овощей, стекающим с губ жиром. Вкус обрёл неисчислимые оттенки – на вкус и цвет товарищи появились, открыв нюансы, прежде не замеченные за изобилием.

Получая долгожданное натуральное угощение раз в месяц, Рома подходил к делу как знаток: оценивал прожарку, сытность, баланс соли и сахара, искал подвох в виде дешёвых заменителей. Сплошной хлеб в котлете или всё же есть мясо? Калорийная трапеза или постная халтура? Теперь это различали все на Флоте! Каждый кусочек смаковали до последней крошки, продлевая удовольствие и мысленно возвращаясь к нему. Пищевые имитаторы были лишь бледной тенью настоящей еды.

На первое мужчины подали ароматный говяжий суп по-китайски: бульон с яичной лапшой, по половинке варёного яйца, тонко нарезанный душистый зелёный лук и аппетитные кусочки нежной рубленой говядины. Далее последовали холодные закуски: нежнейший говяжий язык и канапе. В качестве горячего блюда порадовало филе трески на хрустящей подушке из жареных овощей. А венчал ужин «Наполеон» с девятнадцатью трепещущими свечами.

После десерта Фёдор и Ирма устроились на диване у телевизора, но голубой экран лишь мерцал фоном. Для Ирмы речь Фёдора была неизмеримо интереснее телевизионной болтовни.

– Ну, я же энергетик, – начал он, будто Ирме требовалось напоминание. – Видишь ли, в узлах подключения генераторных трансформаторов к сетям, где происходит конвертация ультрафиолета в ток... ну, принцип солнечных батарей тебе ведом...

Ирма одобритительно кивнула. Фёдор оживился:

– Так вот: в этих стыках провода порой оголяются из-за недостаточной изоляции. От перегрева оплётка расширяется и сползает. Вот тут-то и нужно «бронирование» – дополнительный защитный контур из керамопласта.

– Мы слишком отделились от Солнца, чтобы обсуждать прежний энергоноситель, – напомнила Ирма.

– Несомненно, но обсуждение принципа действия может приносить удовольствие и сейчас...

Тем временем, Рома и Зоя, менее увлечённые энергетикой, устроились в соседней комнате за настольной игрой.

– Знаешь, – завела разговор Зоя, передвигая фишку, – я тебе совсем другой подарок хотела сделать. Заказать отливку... такую фигурку, сантиметров двадцать: человечек в скафандре, стойкий, бесстрашный, смотрящий в космическую даль, готовый ко всему. В руке – магнитно-газовый самострел с гарпуном наизготовку, а сам гарпун уже выпущен, висит неподалёку на извивающемся тросе. И стояла бы она на подставке с надписью: «Храброму и самоотверженному Роману Фёдоровичу Никитину», – сказала она с пафосом, делая ход.

Рома лишь удивлённо вскинул бровь.

– Но мама меня отговорила, – вздохнула Зоя.

– И сделала абсолютно правильно, – отрезал Рома. – Знаешь, папа меня чуть не прибил за то, что я чуть не погиб.

Зоя прикрыла улыбку ладонью. Тема серьёзная, но фраза «прибил за то, что чуть не погиб» звучала абсурдно забавно. Хотя именно так всё и было.

– Мама мне почти то же сказала. Мол, такой подарок – это как бы одобрение и восхищение подвигом. А вдруг ты воспримешь его как напутствие на новые «геройства»?

Рома промолчал. Лишь пожав плечами, он сосредоточенно передвинул фишку.

– Если бы не друзья и не Николай Васильевич Горный... неизвестно, чем бы кончилось.

– Папа очень гордится твоим поступком! – поспешила заверить Зоя. – Но мама рассказывала, в каком он был ужасе после... Вот и отговорила. Пожалуй, даже запретила.

– Всё нормально, – Рома бросил кости и одним ходом обогнал Зоины фишки. – Не надо мне человечков. Телескоп – идеальный подарок. Честное слово, потрясающая вещь.

– Правда? – недоверчиво переспросила она.

– Правда-истина! – передразнил её Рома. – И день рождения вышел на славу, – он указал на поле, где его фишка финишировала. – Вот, и партию я выиграл. Реванш?

Она кивнула, но в глазах её читались растерянность и тень вины. Хотя Рома и вправду считал телескоп куда более удачным и нужным подарком, чем пафосная статуэтка. Он ещё раз искренне поблагодарил Зою за сам замысел и заботу.

День рождения действительно вышел отличным – Рома не кривил душой. Он был рад гостям, а подарки – и телескоп, и особенно тот, о котором он узнал загодя, – его не разочаровали. Фёдор подарил сыну личный космолёт – быстроходный, компактный, но с салоном, вмещающим небольшую компанию. Рома уже успел с восторгом опробовать его несколько раз, ощущая «ветер свободы» и власть над пространством.

– Как Тамар? Встречался с ним? – осторожно спросила Зоя, не скрывая определённой степени любопытства.

– Нет, – Рома улыбнулся какой-то своей мысли. – Не встречались. А ты?

– Я тоже нет.

– А хотела бы? – прямо спросил Рома, с лёгкой дразнящей ухмылкой.

Зоя пожалала плечами, ответив сдержанной улыбкой. Повисло молчание.

– Он хочет вернуть всё, как было, когда мы вернёмся в Королёв, – доброжелательно пояснил Рома. – Он искренне этого желает.

Зоя сконфуженно улыбнулась – улыбка вышла короткой и виноватой. Рома вмиг насто-рожился, забыв сделать свой ход.

– А ты не очень этого хочешь?

Зоя механически передвинула его фишку, долго молчала, вглядываясь в Рому, словно выбирая слова.

– Я с Яшей, – произнесла она наконец, тщательно взвешивая каждое слово.

Лицо Ромы на миг вытянулось от изумления.

– Это тот молодой человек, который был на свадьбе папы и мамы? Твой бывший парень? – нахмурился он, и тотчас же его неприятно осенило. – Да он же брат Саши и Наташи!..

– Единокровный. У них одна мать, но Виталий Коневод не его отец, – спокойно уточнила Зоя. Рома погрузился в раздумья.

– И насколько всё серьёзно у вас?

Зоя снова пожалала плечами, но на сей раз без тени улыбки. «А как воспримет это Тамар?» – озабоченно подумал Рома и тогда же вспомнил их с парнями разговор в бассейне у реки Кольского залива Баренцева моря.

«– Ну, а я даю клятву, что Зоя будет бороться за меня! – ухмыльнувшись, поддел тогда ребят Тамар».

«Ты ошибся, дружище. Не Зоя будет бороться за тебя, а всё же ты за неё. Мы, все четверо – Вектор, Армавир, ты и я – в одной лодке. Чтобы добиться объекта, который мы любим, нужно будет применить всё своё мастерство».

– Он назвал тебя Зотти, – неодобрительно напомнил Рома, вспомнив свадьбу.

– Это ласковое от Зоитерн, – просто объяснила Зоя без тени раздражения, лишь с естественным спокойствием.

– Но тебе это не нравилось, – настоял Рома. – Зоитерн означает «вечность».

– Да. Тогда я думала, что не разделю вечность с человеком, который изменил мне с другой девушкой, и мне разонравилось моё полное имя. А также сокращённое от него Зотти, – призналась Зоя.

– А теперь думаешь, что поделишь?

– Не знаю, – поникла сестра.

Увидев грусть девушки, Рома решил закончить разговор на эту тему и пока больше к ней не возвращаться.

– А Вектор? Помирилась с ним?

– Нет, – недовольно отрезала Зоя.

– Ни разу с ним не виделась за эти два месяца?

– Нет. Я виделась только с тобой, – задумчиво сказала Зоя, но тут же оживилась: – А, ещё ходила в кино и ресторан с Армавиром, Наташей и Сашей.

Первые два имени, конечно, вызывали приятные ассоциации, но вот последнее – выбило из колеи, завладело воображением Ромы и подняло перед его глазами образ девушки столь явственно, словно она была прямо сейчас перед ним, а не доселе с ребятами в кино. Сердце забило чаще.

– С Сашей?

– Ага.

– А... она... спрашивала обо мне? – выдавил Рома, едва дыша.

Зоя задумалась, подняв глаза к потолку.

– Нет... Хотя... Спросила, как твои дела.

– И всё? – голос Ромы потускнел от разочарования.

– Ну да, – тихо сказала Зоя, стараясь подбодрить: – Она знает, что мы с тобой родня, хоть и не кровная. Но, думаю, не в курсе, как часто мы общаемся. Узнай – наверняка расспросила бы подробнее.

Рома слабо кивнул, без особой веры.

Зоя будто хотела что-то добавить, но передумала. Рома уловил этот миг нерешительности.

– Что?

– Ничего, – после паузы ответила она.

Искорка надежды в Роме погасла.

Саша... Её образ преследовал его постоянно. Воспоминания кололи сердце острой болью и одновременно согревали теплом былых мгновений.

Одно из самых ярких воспоминаний связалось с пробой подарка от Зои и Ирмы. Свернув 3D-проекцию Североморска, Рома прильнул к окуляру телескопа, направленного в обзорное окно. В неизмеримой дали пылала коралловая туманность. Мощная оптика выхватывала её детали с невероятной чёткостью – лучшего и не придумать! Он наблюдал её в созвездии Рака, за сотни световых лет, в то время как весь Флот Земли лишь недавно миновал орбиту Юпитера.

Туманность была колоссальной, непостижимой и невыразимо прекрасной. Её сияние навеки врезалось в память Ромы. И всегда с этим видением возвращался корабль-бар «Звёздный свет», где они были вместе с Сашей. А затем в памяти поднимались образы гигантского астероида Главного пояса и его неотвратимая эфемериды, которая всё испортила.

Роман Никитин порой замечал (и, стыдись, признавал про себя), что в минуты волнующего предвкушения его голубые глаза приобретали необычный, яркий блеск. Особенно явно это было видно утром, когда, умываясь, он ловил свой взгляд в зеркале. У других он такого не видел, старался не придавать значения.

В свои девятнадцать лет он вытянулся, окреп от суровой академической дисциплины и спорта. Но странный блеск в глазах никак не объяснялся физической формой.

Изнурительные тренировки дали рельеф мускулатуре, которым он, впрочем, не кичился. Причиной было стабильное питание (пусть и не вкусное). Но главное – на этих прокачанных плечах держалась голова, не лишённая, как он надеялся, ума и логики.

Блеск появлялся не всегда, чаще по утрам во время тщательной чистки зубов. Зеркалами он не увлекался. Зато панически боялся стоматологов, старательно избегал их, хотя зубы были ровными и белыми.

У него имелось смутное предположение о причине такого предубеждения к дантистам. Нет, он не боялся зубодробительного свиста бормашины. К тому же лечение зубов уже давно не представляло из себя болезненную процедуру, как было в позапрошлом веке. И дело даже не в бесстрашной личине дантиста в маске и его пустых беспощадных глаз. Нет. Три года назад, ещё на Земле, он впервые увидел Диану Делину. Именно в стоматологии, в ожидании приёма. А через год её не стало.

Всего три года. А сколько всего изменилось! Теперь он здесь, так далеко от дома. Он сам стал другим. И теперь его мысли занимает другая – Саша Коневод.

Почему она? Рома не мог объяснить. Просто его мысли упорно возвращались к ней, стоило остаться наедине с собой.

Рома стоял у обзорного окна в их с отцом «родной» каюте на «Мурманске». Звёзды холодно мерцали в бездне. Так далеко. Всё было невероятно далеко. И всё это ждало впереди. Воображение уже рисовало очертания столь родного сердцу корабля-академии. До учёбы оставалось недолго.

Первый советник Эстерау

Эстерайская империя готовилась к экспансии долго и тщательно. Выйдя в межзвёздное пространство, она обладала всеми козырями, благодаря уникальной технологии – Взрывному инвертору на кораблях, деформирующему само пространство-время и позволявшему обходить релятивистские ограничения. Флотилии рассеялись по Галактике и десять миров пали одновременно.

С момента покорения Десяти миров на Эстерау миновало семь веков. Шла 11-я Эпоха, 4208-й год от Восстания Арадриана Боушеса. За 50 лет по стандартному летоисчислению эстерайцы возвели и запустили «Континуумный Синхротрон» – гигантский генератор стабильных кротовых нор на базе их ключевой технологии Взрывного инвертора. Он не только создавал пространственно-временной тоннель, но и принудительно синхронизировал метрику времени на обоих концах, используя каналы концентрированного экзотического поля с отрицательной плотностью энергии («Струнный Тоннель»), чтобы предотвратить гравитационный коллапс и временные парадоксы. Этот синхронизированный мост проложил путь от Лирюлта в системе Кровавых Близнецов Нимрода и Ариэль (144 световых года от Эстерау) к форпосту у Сатурна в Солнечной системе.

До войны с Землёй оставались месяцы. Скоро бомбы обрушатся, вирус развееется, и Земля станет одиннадцатым завоёванным миром Империи.

Перелёт флотилии на кораблях с Взрывным инвертором занимал двадцать один год. За это время на Эстерау и Земле проходили те же двадцать один год – технология двигателя-искривления избегала релятивистского замедления времени. Военные, чиновники, разведчики планеты-столицы жили, умирали; их сменяли дети или новые кадры с актуальным взглядом на меняющуюся реальность. Лишь Малюстель Куаранд бесценно вёл свои планы к цели. Средства совершенствовались, обиход менялся, но замысел Первого Советника оставался неизменным.

Закрытый военный совет собрался. Настал час вторжения, рассчитанный до минуты. Сократить путь к «Неожиданной войне» мог лишь прилёт кораблей с пленниками-землянами через Кротовую Нору к Лирюлту и столице. Это занимало не двадцать один год, а куда меньше. Всё ради победы над иным, куда более масштабным противником.

Пока Эстерайцы увязли в завоевании слабых миров, к рубежам Млечного Пути подошла раса сверхсуществ – телепаты, звавшие себя Творцами Мироздания. Смирианцы, с планеты Смира в Галактике Экв. Их экспансия в Млечный Путь совпала с последними семью веками эстерайских завоеваний – удобное для смирианцев, роковое для Эстерау стечение обстоятельств.

Силы империи были раздроблены. Флотилии контролировали десять покорённых миров, ещё одна шла к одиннадцатому – Земле. Идеальный момент появиться новой, могучей силе.

Атака на Эстерау была звеном долгого плана. Творцы Мироздания методично сжимали кольцо, захватывая порабощённые миры и приближаясь к сердцу Империи.

Эстерайцы знали: контроль над дальними колониями требует огромных сил. Это неизбежно создаёт дефицит ресурсов у родного мира. Потому столица всегда хранила мощный оборонительный контингент.

Ни одну планету не сдавали без боя. Полководцы империи – не бездарные дилетанты. Их доктрина – побеждать. Они – талантливые стратеги, профессионалы войны.

Эстерайцы не отступали, лишь смерть останавливала их. Но война с Творцами лишала их контроля над мирами. Непревзойдённые доселе, они терпели поражения. Эхо-в-ночи, Аспартан, Рэлос, Прогресс пали. На очереди были Пикеринг, Харадна, Аполлиария, Аква-Инфинит, Нехла, Мир-Спираль.

Высшее руководство Эстерау пребывало в хроническом состоянии «латания дыр». Острая фаза ещё не грянула, но эстерайцы считали войной и подготовку к ней. Со строгими, как их мундиры, лицами они сидели за длинным столом. Карты, сводки разведки, стаканы воды, скромные блюда – вот всё, что требовалось этим людям на военном совете в столице, на Эстерау. Император Малюстель Куаранд, администраторы Азарион Брард и Сектур-тур Хороно, правители Сирел Даскон и Аракод Оравом, генералы и адмиралы – «Неожиданная война» с флотилией Творцов Мироздания стояла у их порога.

– Наконец введён в строй Хроно-Мост от Лирюлта до Сатурна, – доложил Сектур-тур Хороно. – Путь от Земли к Эстерау теперь – не десятилетия. Пленников доставят в систему Кровавых Близнецов за часы, а оттуда – за три недели в Лаврентийский перст. Но смирианцы вторглись в Нимрод и Ариэль. Корабли охраны Хроно-Моста оттянуты на Лирюлт, где к тому же зашевелились повстанческие движения нехлианцев.

– На форпосте у горловины – минимальный резерв, – добавил Аракод Оравом. – Кроме техников на станциях, проход пуст. Оголён. Любой предприимчивый враг обнаружит это и пройдёт беспрепятственно. Наш Сатурновский форпост сдержит землян, но, если те отвлекут огнём – могут проскользнуть.

– Значит, нельзя дать им шанс, – заключил Азарион Брард. – Если флотилия вместо вируса сразу вступит в бой с Объединённым Флотом Земли, у того не будет времени рыскать у Хроно-Моста. Земляне уже сыграли свою роль – осуществили бегство с планеты. Отравлять её теперь нет необходимости. Через тоннель ещё можно отменить приказ.

– Необходимость есть, – поправил Сектур-тур. – Уничтожить их базу ресурсов, предотвратив возможную борьбу с империей. И проверить вирус: годы разработки требуют полевых испытаний. Данные о пандемии помогут создать оружие против смирианцев. Не пожать посеянное – абсурд.

– Человек прямоходящий и смирианцы – два разных биологических вида, – упорствовал Брард.

– Земля станет полигоном, – парировал Сектур-тур. – Данные о заражении, доставленные через тоннель, мы сопоставим с генетическим кодом этих «Творцов». И попробуем выковать оружие специально для них. Кто знает? Возможно, этот шаг... – его голос понизился до шёпота, полного значения, – переломит ход всей войны.

– Сто с лишним лет... – Сирел Даскон заговорил тихо, но каждый слог падал как камень. Его глаза были устремлены в прошлое. – Полёты первых разведчиков... Синтез вируса... Перевозка спор... Смерти экипажей... Вербовка предателей... – Он поднял взгляд, и в нём горел огонь. – Люди на тех кораблях... Экипажи флотилии отдали двадцать один год жизни, их дети родились и выросли в пути, обучаясь этой миссии. Для них атака – смысл существования.

– Допустим, горстка землян просочится на Лирюлт, – холодно резюмировал Малюстель Куаранд. – Значимого перевеса в расстановке действующих сил это не даст. Чем таким значительным они помогут смирианцам в войне против нас? Смирианцы и знать о землянах не знают. А главное – отличить их от эстерайцев не смогут. Нет, ценность бактериологической атаки на Землю превышает ценность её отмены, – подытожил император господин. – Поэтому мы применим вирус, а затем поглотим земной флот, как было задумано ранее.

В повисшей тишине раздался нервный кашель Уэрто Барварда, его лицо покрылось пятнами, пальцы бесцельно теребили край мундира.

– Добрые... добрые господа... – он заикался, – насчёт нехлианцев... пожалуйста, не тревожьтесь! Это жалкие кучки, разрозненные... их техническое оснащение – ничто! А что касается землян... – он глотнул воздух, чувствуя, как все взгляды впиваются в него, – что касается землян... По нашим... по самым свежим расчётам... сторожевые и дозорные корабли вернутся к тоннелю... через восемь месяцев! Всего через восемь месяцев граница снова будет под контролем!

– Это кто там снова твякает о восьми месяцах? – голос Тераана Икобода прорезал воздух оперативной части совета, как ледяная сталь.

В зале, где собрались высшие руководители империи – все знали, что командующий войсками Первый воевода Икобод не отличается терпеливостью, а скор на жестокую расправу.

– Через восемь месяцев... – Икобод медленно повторил злополучный срок, растягивая слова, словесно пытая ими висящего на крючке Барварда. Каждое слово пронзало гробовую тишину. – Добрый наш администратор господин... – в его устах титул звучал ядовитым издевательством, – оставьте уже эту... натруженную непринужденность. Эту жалкую попытку ублажить нас иллюзией контроля. – Он наклонился вперёд, его глаза, холодные и нечеловечески пронизательные, впились в Барварда. – Вы прекрасно осведомлены. Земляне подступят к Хроно-Мосту уже через шесть месяцев по «стандарту». Ваши потуги ввести в заблуждение Совет... – Икобод презрительно сморщился, будто уловил дурной запах, – очевидны и яйца выеденного не стоят.

Выговор Икобода стегал Барварда не кнутом – раскалёнными плетьюми. И без того землисто-серое лицо исполняющего обязанности главного администратора Лирюлта приобрело оттенок мокрого пепла. По вискам выступила испарина.

Для Уэрто Барварда ситуация сложилась не просто нелёгкая – она была катастрофической. Лирюлт, его вотчина, трещал по швам. До граждан дошли слухи – леденящие кровь шёпоты о неминуемом вторжении *них*, смирианцев. Расы негуманоидных существ, чья заносчивость простиралась до самоназвания «Творцы Мироздания». Захват Лирюлта задумывался ими, как плацдарм – трамплин для прыжка в самое сердце империи, на Эстерау!

Сколько времени потребуется этим чужакам, чтобы вцепиться мёртвой хваткой в этот ключевой транзитный мир, лежащий у самого порога планеты-столицы? Неизвестно. Но тревожные настроения уже лихорадили население. И словно грибы после дождя, на этой благодатной почве страха и неопределённости плодились и крепили повстанческие движения нехлианцев. Вина лежала и на плечах самой империи – её агентах, её неэффективности. Нехлианские бунтовщики, эти возрождающиеся язвы, ожили, зашевелились, старательно «готовя почву» для пришествия своих мнимых освободителей-Творцов.

– Только если у военачальников этих проклятых землян совсем мозгов не хватит, – продолжил Икобод, – они упустят такую... счастливую оказию. Но, администратор господин, – он ударил кулаком по столу, заставив вздрогнуть всех, – нельзя недооценивать врага! Нет никаких гарантий, что они окажутся настолько тупы, что не станут разгуливать у нашего порога, как у себя на заднем дворе! – Его взгляд буравил Барварда, вытягивая из него последние капли достоинства. – Сто пятьдесят лет вы там просиживали кресло! Держали, как вы утверждали, всё под контролем. А последнее время... ваш бывший начальник, – Икобод с отвращением выплюнул слова, – позволил себе непростительную расслабленность. Размяк. – Пауза была убийственной. – Само по себе – беда. Но эта преступная небрежность наложилась, как грех на душу, на вторжение смирианцев и на развязывание войны на Земле! – Голос Икобода взвился до хриплого шёпота, полного невыразимой угрозы. – А ведь вас предупреждали. Заблаговременно и неоднократно! Предупреждали, что к нынешнему дню Лирюлт – и вы лично! – должны быть мобилизованы, подтянуты, приведены в состояние абсолютной боевой готовности! Где она?!

Температура в зале Главного Совета, казалось, упала ниже нуля, хотя терморегуляторы молчали. Барвард физически ощущал ледяное дыхание опасности. Его взгляд метнулся по лицам. Члены Совета... Император господин Малюстель Куаранд... Их взгляды, холодные, оценивающие, безжалостные, не отрывались от него с самого начала этого допроса. Они видели его панику, его унижение. И судили.

– Да, смирианцы отвлекли на себя значительные силы флота, – Икобод говорил теперь с ледяной, убийственной логикой, – но именно ваши систематические просчёты, ваше неже-

ление видеть брожение в обществе, подогреваемое этими нехлианскими поганцами, – вот что откроет землянам дверь! Даст им шанс десантироваться на поверхность нашей планеты! – Он указал пальцем, как шпагой, прямо в грудь Барварду. – Ваш предшественник... был слишком ленив, чтобы проконтролировать последние, самые важные этапы. Он прозевал. Поэтому, главный администратор господин... – Икобод одарил бедолагу улыбкой полной смертельной иронии. – Исправляйте ситуацию. Добейтесь подавления этого мятежа. В кратчайшие сроки. Или отправитесь вслед за своим предшественником.

Угроза заставила Уэрто похолодеть. Ужасная судьба бывшего начальника Барварда не могла выветриться из памяти. Тот, кому Уэрто служил заместителем, был не просто «освобождён» – его отправили в долгосрочную «поездку» на одну из Боушесских планет. Синоним каторги, медленной смерти в ледяных шахтах или на ядовитых плантациях. И Барварду светила точно такая же «отставка». Он знал, как все знали: с Боушесских планет не возвращаются. Это не просто ссыльный билет, а смертный приговор, отсроченный лишь для того, чтобы выжать из осуждённого последние капли жизни.

Император, господин Малюстель Куаранд, всё это время пребывал в состоянии абсолютного, почти божественного спокойствия. Он не просто наблюдал – он *взирал*. Его пронизательные глаза, словно сканеры высочайшего разрешения, скользили по лицам высших офицеров, правителей курируемых миров. Он видел, как они решают, как они пытаются лавировать в потоке проблем, как карают провинившихся. Он видел страх, амбиции, расчёт. И он видел разнuzданный беспорядок на Лирюлте, эту затянувшуюся, непростительную халатность главного администратора. Хотя его лицо оставалось непроницаемой маской, само его молчаливое присутствие было приговором неэффективности. Он был истинный глава, паук в центре паутины, покровительственно наблюдавший за тем, как его пауки-исполнители сами запутываются в собственных нитях.

– Землянам, – голос правителя Бадульги, Тарангла Хороно, прозвучал как удар колокола, подводя черту под мучительной дискуссией, – нельзя позволить воспользоваться этой брешью. Брешью, пробитой на Лирюлте. Помните: даже самое могучее вековое дерево способны сокрушить тщедушные короеды, если их вовремя не выжечь калёным железом. – Его взгляд тяжело лёг на Барварда. – Раз уж Главный Администратор Лирюлта... клянётся исправить положение в кратчайшие сроки... – в его тоне звучало сомнение, но он сделал вид, что принимает слова на веру, – значит, оснований для отмены бактериологического удара по Земле – нет. Объединённый Флот землян и их родной мир должны исполнить уготованную им роль в схеме нашей войны. До конца.

Куаранд медленно перевёл взгляд с Хороно на собравшихся. Его движение было исполнено непререкаемого авторитета.

– Тогда... курс остаётся прежним. Единогласно?

Ответом было не просто безмолвие, а глухая, подавляющая тишина полного согласия и безоговорочного подчинения. Тишина, в которой слышались лишь прерывистое дыхание Уэрто Барварда и далёкий гул судьбы Земли.

«Сын Земли»

Адмирал флотилии российского подразделения Объединённого Космического Флота Земли, Евгений Васильевич Журавлёв, мужчина преклонного возраста с нарочито неприметной внешностью, замер в центре кают-компания. Стены вокруг него пульсировали голографическими проекциями одиннадцати звёздных систем. Обычно высший офицерский состав собирался на адмиральском мостике – просторном помещении атласно-голубых тонов с панорамным остеклением, открывавшим вид на космос. Но последнее время в качестве оперативной части использовали более камерную и защищённую кают-компанию.

Журавлёв восседал за массивным эллиптическим столом. На его поверхности мерцала миниатюрная, почти живая, карта Солнечной системы. Условные значки отмечали диспозицию: флотилии, соединения, станции, форпосты. Караван Объединённого Флота у Юпитера казался застывшим в космической патоке, тогда как армада Эстерайской империи – роем чёрных скорпионов – неумолимо продвигавшемся сквозь Облако Оорта, на самой границе родной системы землян. Каждому присутствующему было ясно: к январю 2124 года эти символы сдвинутся, и зловещая виртуальная вуаль накроет Землю, как саранча.

– Состояние флангов? – резко спросил Журавлёв, его голос, как всегда, был стегаящим кнутом. – Ход ремонта? Сроки?

Адмирал славился взрывным нравом и глубоким убеждением: человек обязан выкладываться на пределе в любом деле. Только так жизнь обретает вес. А у того, чьи плечи несут тяжесть большого долга (как его собственный – командование боевым крылом российского сектора Флота), каждое решение, каждый приказ могут определить судьбу миллиардов и будущее самой Земли.

– Ремонт обшивок на заключительной стадии, товарищ адмирал, – отчеканил капитан-лейтенант Брзенов, сверяясь с ком-панелью. Информация стекалась к нему через старшего лейтенанта. – Роботы-механики залатывают пробоины и выправляют деформации от микрометеоритов.

Брзенов, упитанный молодой человек с блестящей проплешиной и вечно «уплывающим» вверх левым глазом, был воплощённой неуклюжестью. Но за этой внешностью скрывался ум острой стали и редкая преданность делу. Будучи своего рода адъютантом Журавлёва, он заслужил уважение старших офицеров своей феноменальной работоспособностью, пунктуальностью и способностью ухватить самую незначительную деталь. Его путь к званию капитан-лейтенанта был тернист, но заслужен. Лояльный, беспрекословно соблюдающий субординацию, он при этом не утратил человеческого достоинства и готовности дать исчерпывающий ответ.

– Приоритет – боевым судам, – продолжил он, крепче сжимая ком-панель. – Затем – кораблям-фермам. Американский, японский, китайский подразделения докладывают: полная боевая готовность. Действуют согласно единому плану.

– Запасы? – отрывисто бросил Журавлёв. – Топливо? Боеприпасы?

– О дефиците не сообщают, товарищ адмирал. Расход в рамках утверждённых норм, согласно графику перехода.

Контр-адмирал, вице-адмирал, адмиралы флотов, капитаны рангов – все хранили каменное спокойствие. Их защитные кители на пяти гербовых пуговицах были безупречны. Но главное – не форма, а непоколебимая выправка, воля, читающаяся во взгляде, и та особая сосредоточенность, что выдаёт высших офицеров в любой обстановке.

Совет проходил на борту крейсера «Сын Земли» – флагмана российского подразделения Объединённого Флота.

Корабль среднего класса, с обтекаемым, как кинжал, корпусом и сдвоенными гондолами реактивных двигателей, служил мозгом и стальной волей этого формирования. Флот объеди-

нял силы земных наций под одним космополитичным флагом. Его кораблям – боевым, жилым, транспортным – давали имена-символы: «Сократ», «Константин Циолковский», «Дочь Солнечной Системы», «Воин во Тьме». Название «Альберт Эйнштейн» присваивали себе с гордостью и американцы, и немцы.

– Церера? – следующий вопрос Журавлёва раздался как удар молотка.

Вода с карликовой планеты была кровью Флота. Она питала не только людей, но и гидроропонные фермы на агро-кораблях. Сейчас, в преддверии войны, нужно было создать максимальные запасы зерна и продовольствия – добыча и транспортировка воды в ходе боевых действий станут смертельно опасны, а агро-флотилия и исправительно-трудовые корабли (чьи откормочные комплексы обеспечивали мясом) требовали воды всё больше. Под распашку даже пошли потенциально плодородные зоны на кораблях-парках «Зелёное Наследие».

– Через три месяца, к началу декабря, добыча и экспорт будут завершены, объекты на Церере – законсервированы, – доложил Брзенов.

– А эстерайцы? Их график? – Журавлёв не тратил лишних слов.

– Торможение завершится в срок, товарищ адмирал. Январь 2124-го. Двадцать один год перехода к финалу. Прибытие в Солнечную систему.

– Они войдут из Оорта, – вступил вице-адмирал Плехов, его голос был низким и металлическим. – Двадцать один год в варп-пузыре позади. Теперь финальный, самый опасный этап: медленное, как яд в крови, проникновение. На полной варп-скорости от Оорта до Земли – считанные часы. Но выход вблизи Солнца чреват катастрофой – гравитационные вихри разорвут пузыри Алькубьерре. На обычной тяге – мы бы засекали их за месяцы. Потому они идут малыми, почти неслышными рывками искривлённого пространства, растянув последние 0.8 световых года на четыре долгих месяца. Маршрут: мимо Плутона, Урана, Нептуна, через пояс астероидов, мимо Сатурна, Юпитера, Марса... на Землю. Но лобового столкновения с нами не будет. Они пройдут выше или ниже плоскости эклиптики. Им не нужны бои до главной цели. Первая фаза: биооружие. Земля. Только после этого они развернутся и пойдут в атаку на нас, у Сатурна. Если мы уже будем там.

Наступила тяжёлая пауза. Четыре месяца скрытного маневрирования в Облаке Оорта. Четыре месяца на осторожное торможение, развёртывание армады, сбор финальной разведки и синхронизацию удара. Неизбежная плата за точность и внезапность. Журавлёв медленно обвёл взглядом собравшихся.

– Прогноз их конечных целей? – спросил он, и каждый слог звучал отчётливо, как удар набата. – Рабство? Ресурсы? Что говорят перебежчики? Ради чего они выманили нас в эту пустоту?

– Последнее время их поступает нам на флот совсем мало. Эстерау завинтили гайки. Но... – Брзенов запнулся, ища слова, – В британском подразделении Флота мелькали обрывки... что-то о *времени*. Что им нужно его ускорить... или, может, растянуть? – Он умолк, смущённо обратившись к компакт-панели. – Там было слово... «релятивистский». Говорили, будто их запасы времени... релятивистски, то есть... *относительно* уступают боевому потенциалу противника?..

Воцарилась не столько тишина, сколько ступор недоумения. Адмирал Журавлёв медленно приподнял бровь. Вице-адмирал Плехов замер с чашкой кофе на полпути ко рту. Смысл распался на бессвязные осколки, оставляя лишь ощущение ледяной загадки. Сама мысль казалась парадоксом: непобедимые эстерайцы – и вдруг *уязвимы*? Во *времени*?

– Эстерайцы... *уступают*? – спросил адмирал Флота приглушённо. – Уступают *нам*? В чём? Что это значит? – Он повернулся к Брзенову, его взгляд, обычно острый как бритва, теперь был полон глубокого вопрошания. – Их планы... они связаны с этими самими... релятивистскими эффектами? С попыткой *обмануть время*?

– Может, их планы и намерения связаны с решением проблемы релятивистских эффектов замедления времени? – предположил кавторанг Штейн.

– Взрывной инвертор на их кораблях *как разрешает* проблему времени! – с твёрдой уверенностью поправил контр-адмирал. – Но не так, как вы думаете! Он не замедляет время на борту – он его *не искажает*! Пока они летели двадцать один год к Земле – на Эстерау и здесь прошли те же двадцать один год! Никаких тысячелетий! А их новая штука – «Синхротрон» для кротовины – вообще время *выравнивает*. Перелёт через нору – мгновенный, и время на обоих берегах течёт одинаково.

– Прошу прощения, к этой информации мне и впрямь следовало отнестись критически, – виновато отозвался Брзенов.

– Во время войны нередко недосмотры, – поддержал капитан-лейтенанта полковник Гоф. – Коварно вкрадываются неточности, а порой и вовсе информационный туман фонит в радиоэфире.

– Итак, их технологии *решают* проблему времени в дальних перелётах, – подвёл черту адмирал Флота. – Тогда в чём их мотивы устроить пандемию и выманить с Земли двадцать восемь миллионов человек? Что им нужно от *нас*, кроме рабских рук?

– Кто-то говорит, что это нападение связано с продлением жизни. И ещё с какой-то их великой войной, – неуверенно протянул капитан Даренков.

– Продлевать жизнь? Каким образом? – недоумевавая нахмурился Журавлёв. – Да и зачем им это?

– Продлевать жизнь им было бы нужно, лети они тем же маршрутом назад, выполнив свои таинственные цели, – задумчиво проговорил Плехов, – Но разве только что введённый в эксплуатацию «Континуумный Синхротрон» не решает эту проблему?

Выход Кротовой Норы в Солнечной системе, обозначенный как Пункт Бета (Сатурн), был ключевым элементом эстерайской стратегии. Согласно данным разведки, враг планировал использовать нору для мгновенной переброски пленных землян к Эстерау, минуя двадцатиоднелетний перелёт на кораблях с Взрывным инвертором.

Для этого корабли с захваченными пленниками должны были войти в синхронизированный пространственно-временной тоннель у Сатурна и выйти через Пункт Альфа (Лирюлт) в системе Нимрод-Ариэльской Двойни – стратегическом плацдарме эстерайцев. Стабилизированный каналами экзотического поля с отрицательной плотностью энергии, этот искусственный мост соединял окрестности Сатурна с планетой Лирюлт в сердце вражеской территории, делая световые годы расстояния лишь пунктом маршрута.

– Перебежчики не знают, а пленные разведчики, даже когда раскалываются, сообщают слишком разрозненные данные. Свести их в цельную картину невозможно, – констатировал Брзенов.

Гнетущее молчание повисло над оперативной частью. Не недоумение – ледяное ощущение пропасти, где должна быть почва понимания.

– Есть контакт с нашим агентом в группировке «Владимира Крючковаго»? – спросил Журавлёв с леденящим спокойствием.

Эта банда – щупальце сатурновского вражеского форпоста, финансируемое империей.

– Связь потеряна, – тихо признал капитан-лейтенант. – Оснований полагать, что Люин жив... нет.

Журавлёв кивнул, отсекая бесплодное сожаление. Он искал рычаги, а не виновных.

– Установили главаря банды?

– Никаких зацепок, товарищ адмирал, – Брзенов едва скрывал тягостное чувство вины за пустоту донесения.

– Тактика эстерайцев на других мирах? – резко сменил фокус Журавлёв. – Что они с ними сделали?

– Порабощение. Полный контроль. Железная диктатура.

– С нами – иное. Они допустили наш исход. Позволили 80 000 кораблям вырваться из родного гнезда.

Секретная эвакуация 2122 года – огненный шторм стартовых вспышек, обжёгший Землю. Почти 30 миллионов ушли в пустоту, спасая искру человечества.

– Они не «позволили». Они спланировали вирус, чтобы выкурить именно наших людей в космос! – жёстко поправил Плехов. – Им нужны тела и души здесь, на кораблях Флота. Конкретно – здесь.

На Земле же... 15,75 миллиарда. Вирус обещал оставить 4,7 млрд, но психические мутации, неспособность к сотрудничеству в новом аду... это был путь к вымиранию. До 3 млрд. А затем – до жалкого миллиарда наследников искажённого разума. 28 миллионов беглецов – жалкие 0,2% – были единственной надеждой земного вида. И они знали это.

– Мир-Спираль? – бросил Журавлёв. – Их судьба?

– Тот же террор. То же рабство.

– Но Мир-Спираль не покорился! Он бежит! – напомнил капитан Даренков.

– Потому что это не флот, а единый кибер-левиафан. Один непостижимый корабль, построенный теми самыми «Философами-инженерами» – гениями, чьи безумные сны о спирали стали сталью и кодом.

– Возможно, это и спасло их от захвата, – предположил контр-адмирал.

– А мы? 80 000 разрозненных скорлупок! – с горькой прямоотой ввернул Даренков. – Нас переловить – дело техники.

– Если Объединённый Флот Земли решил выжить, то ни о какой «технике» и «лёгкости» и речи быть не может! – Журавлёв рубил воздух ладонью, как саблей. – Мы создадим им ад!

– Сделаем всё, чтобы их путь был усеян терниями, а не лепестками, – поддержал полковник Гоф.

– Суть их плана ясна, – вернул совет к главному Журавлёв. – Захватить пассажиров и экипажи. Живыми. Но для чего? Рабы? Но зачем им эта сложность? Поработить Землю со всеми её 15 миллиардами – их технологии позволяли! Без вируса! Без уродства! Без этой дьявольской ловушки с исходом! Они поступили с нами не так, как с остальными десятью. Почему? Чем мы уникальны?

– Быть может, дело в нашем генофонде? – предположил контр-адмирал. – Эхианцы изуродовали себя генмодами, пикерингцы – закоснели в отсталости...

– Они хотят от нас того, что не смогли взять у Мира-Спирали, – высказал догадку Плехов.

– И почему не смогли? Лишь потому, что один корабль-крепость не расколоть, а мы – лёгкая добыча? – парировал Даренков.

Вопросы висели в воздухе, тяжёлые, как свинец, не находя ответа. Совещание буксовало в тумане незнания.

– Можем связаться с Миром-Спиралью? – едва не безнадежно спросил Журавлёв.

– Радиосигнал будет идти тысячелетия...

Адмирал флота Журавлёв медленно поднялся. Его взгляд обвёл замерших офицеров, остановившись где-то за пределами корабля, в бездне, где таился враг. Когда он заговорил, голос был тихим, но каждое слово било, как гирия:

– Тогда скажите мне... ради чего? Ради какой цели им нужны живыми двадцать восемь миллионов наших людей?

Королёв

31 августа в час пополудни личный космолёт Ромы приближался к Военной Академии Разведки и Терраформирования имени Сергея Павловича Королёва. Знакомый силуэт – перевернутый конус, сужающийся к основанию-«наконечнику» и расширяющийся к вершине-«окуляру» – казался еще величественнее вблизи. Три струи ионизированной плазмы, невидимые глазу, но чьи следы искрили пространство искажениями, холодным сиянием вырывались из сопел ядерных двигателей на концах поддерживающих пилонов-«треног». Они беззвучно толкали гигантскую обитель познания и силы сквозь вакуум.

Околосеми лет строили корабль, послуживший пристанищем для Военной Академии. Строительство шло на Космическом адмиралтействе – верфях российского подразделения Объединённого Флота. Со стапелей корабль-академия сошёл чуть более трёх лет назад. Набор курсантов, в котором оказался Рома, был первым, а учебный год – 2122-й – проводимый на борту корабля – дебютным.

Григорий запрашивал разрешение на посадку. Этот серьёзный и внимательный молодой человек работал доставщиком. Именно он пополнял кладовую Академии свежей провизией с кораблей-ферм (мука, масло, молоко, яйца, мясо, зелень) и сухими продуктами – какао, кофе, чай. Также он занимался доставкой запасов алкоголя для выдачи винной порции на выбор – водка, джин, вино, коньяк и пиво.

Как и другие доставщики, Григорий так же перевозил продукцию судов-лабораторий, производивших на основе грибков коллоиды питательных веществ. Протеиновые плитки, витаминные пластинки, калорийные вафли – иначе, питательные пайки или нормированное питание, также получившее неблагодарное название «Флотские сухари». Таким образом, маршруты Григория пролегли между продовольственными кораблями и холодильными камерами Академии, спрятанными глубоко в каркасе нижних палуб.

Но по совместительству Гриша выполнял и обязанности личного пилота Романа Никитина, когда на то возникала необходимость. Рома шагнул в кабину, ощущая нарастающий стук сердца. Вид в обзорное окно захватил дух, как и год назад.

От острого «наконечника» в основании корабля расходились три могучих пилонна, несущих гондолы двигателей. Стальные кольца корпуса, формировавшие ярусы палуб, плавно расширялись вверх. На пятисотметровой высоте их накрывал широкий диск, над которым, словно копьё, вонзался в пустоту шпиль коммуникационной башни. Кормовую часть судна отвели под инженерный отсек, топливные хранилища и сердце корабля – машинное отделение с высокофункциональным оборудованием.

В верхней части Королёва располагались аудитории, плац, каюты и отсеки с пространством, предназначенным для жизни и учёбы курсантов. Фюзеляж этого причудливого семипалубного конусообразного корабля-телескопа имел характерный изгиб – выпуклый наружу, что изнутри создавало ощущение расширяющегося пространства, уходящего ввысь. Из-за этого борта палуб не просто «отодвигались» от пассажиров, а формировали наклонную плоскость, которая, начинаясь под ногами, «убегала» вверх и в стороны.

Сотни иллюминаторов и обзорных окон, как созвездия рукотворных звёзд, горели на ярусах корабля. В модулях-отсеках, походящих на «коробки» и соединённых с фюзеляжем могучими рукавами переходов, мелькали живые фигурки: повара, святые отцы «кухонного конвейера» в столовой; кибертехники, сканирующие пульс систем; роботы-уборщики – невидимые хранители чистоты. Лишь библиотека и комната досуга пока пустовали – тихие омуты в бурлящем потоке корабельной жизни.

А на сшитой из композитных плит обшивке, сиял герб. Знакомый серебристый космонавт в скафандре с матовым, а не зеркальным блеском. Щиток его шлема – непроглядная чер-

нога, обращённая в вечность. Его меч в опущенной руке, остриём вниз – символ разведки. Другая рука его вытянута, тыльной стороной пальца касаясь сферы планеты. Сверху – серая мёртвая пустыня с тенями кратеров. Снизу – наступающая волна бирюзового океана и изумрудных континентов. От точки касания исходит ослепительное золотое сияние, от которого расходятся серебряные дуги – импульсы преобразования. Над фигурой – дуга из восьми золотых звёзд, символизирующих факультеты Академии. В самом низу треугольного заострённого щита – лаконичная латынь: «GLADIO ET RATIONE · AD ASTRA», а внизу – весомое и неоспоримое имя: «АКАДЕМИЯ ИМ. С.П. КОРОЛЁВА».

Флагман противостояния с Эстерайской империей плыл во тьме космической ночи под своим девизом «Мечом и Разумом – к Звёздам». За три года службы матово-зеркальное покрытие фюзеляжа приобрело патину космических путешествий – сеть микроцарапин от пыли и микрометеоритов, создававшую причудливую игру света и тени, словно морозные узоры на стали. Оно не тускнело, а сияло переливчато, вбирая и преломляя свет далёких солнц.

Рома широко улыбнулся и крепко хлопнул Гришу по плечу. Два долгих месяца отпуска он не видел этот корабль. Волна неподдельной радости на мгновение смыла навязчивые проблемы с визуализаторами и приглушила сердечную боль от мыслей о Саше Коневод – девушке, которую, возможно, он больше никогда не увидит.

Может, всё самое яркое уже позади? И прошлый год подарил свой предел счастья, за который стоит быть благодарным? Всему своё время: и той встрече, и тем опьяняющим чувствам, что она пробудила. Теперь – новый виток, второй курс, открывавший дверь в совершенно иную реальность. Рома любил её. Но разве в его власти заставить Вселенную вернуть Сашу обратно в его жизнь? Увы. Жизнь, как река, течёт вперёд. Она длинна, эта река. На просторах Флота немало интересных девушек. Может, когда-нибудь, в непредсказуемом будущем, его путь снова пересечётся с чьим-то особым взглядом... И тогда эта тихая печаль о Саше наконец отпустит его сердце?

Пока личный челнок Ромы приближался к Академии, взгляд парня цеплялся за новшества на могучем корпусе – о которых он лишь слышал, но теперь видел воочию.

Каждый лишний грамм брони в космосе – вызов и огромная цена. Но стальной конус Академии теперь нёс на себе предельно возможную защиту, какую только позволяла его конструкция. Без этого панциря Королёв не выдержал бы и первого серьёзного удара, рассыпавшись как карточный домик. Теперь же у него был шанс выстоять. Хотя бы какое-то время.

И вооружение... Где раньше были лишь иллюминаторы, теперь на шестой, пятой и четвёртой палубах выросли кластеры орудий. Крейсер! Теперь это был настоящий трёхдечный боевой крейсер. Его деки ошетинились пулёмтными турелями и ракетными аппаратами. У основания стволов главного калибра тускло поблескивали плоскоцилиндрические матрицы – сложные системы наведения или охлаждения.

При виде этой мощи, вставшей на пути звёзд, Рома ощутил, как сердце рванулось вскачь. Гордость распирала грудь – вот она, сила Флота! Но следом, холодной змейкой, заползло иное чувство – смутный, неоформленный страх. Предчувствие. Тяжёлое и неумолимое.

Пирожки садились на «противень» причальной палубы Королёва с интервалом в 2-3 минуты, словно пчёлы в улей. Этот огромный воздушный шлюз перед посадкой пассажирских челноков опустошался: воюющий ветер уносил воздух, давление падало до вакуума. Класс челноков «Пирога» стал широко известен под именем «пирожок» и потому площадку диспетчеры между собой звали «противнем». Лепестки-створки шлюза открывались на 15 минут, заполняя палубу челноками. Лишь когда все восемь пирожков приземлялись, лепестки смыкались, и воздух с ураганной силой возвращался, делая палубу обитаемой. Мощные системы жизнеобеспечения корабля легко справлялись с такими циклами расхода воздуха. Высыпавшие пассажиры уступали место новым – цикл повторялся.

Наконец и космолёт курсанта Никитина выставил посадочные опоры. После восстановления атмосферы и получения разрешения покинуть борт, Рома попрощался с Гришей и ступил на палубу родной Академии.

Рядом с челноками толпились недавно поступившие первокурсники, их напряжённая осанка и сжатые челюсти выдавали попытки казаться непоколебимыми. Рома миновал посадочную зону и в переходном отсеке предъявил офицеру портовой службы свой военный билет. Досмотр на контрабанду прошёл быстро – во временно развёрнутом блоке проверяли каждого вновь прибывшего. За стойками металлодетекторов выстроились пять шеренг ожидающих.

В основном в сумках звенели учебники и ком-панели, но кое-где маячили и запрещённые вещицы. Офицеры, впрочем, смотрели сквозь пальцы на мелкие шалости, если те не несли явной угрозы.

На вступительные экзамены, прошедшие неделю назад, съехались абитуриенты со всех уголков Объединённого Флота – американцы, немцы, китайцы... ходили даже слухи о подавших заявления с какого-то совсем уж экзотического края. Рома пока в этом потоке не увидел ни одного знакомого лица.

У него самого досмотр не выявил ничего противозаконного. После заселения курсантам вернут под расписку форму (летнюю, зимнюю, парадно-выходную), личное оружие с двумя магазинами, штык-нож и прочее снаряжение, оставленное на хранение в оружейной на пятой палубе.

Взвалив сумку на плечо, Рома вышел из досмотрового блока, прошёл по узнаваемым переходным коридорам (стандартным, как на любом гражданском лайнере) и направился в административный корпус – доложить о прибытии в штаб.

Интерьер Академии окутал его теплом знакомой роскоши. Лепнина, мебель из имитации тика и пекана, латунные поручни, зеркала в тяжёлых рамах. Игра света на хрустале, бронзе, искусном мраморе – всё это будило глубокую ностальгию. Даже синтетическое покрытие пола, стилизованное под дуб и лиственницу, казалось драгоценным паркетом. «Ах, этот ампир... родной ампир МГУ! Как же я по тебе скучал», – мысленно воскликнул Рома, проводя ладонью по гладкому, тёмному лаку перил парадной лестницы. На лицах проходящих мимо новичков он ловил те же восхищённые улыбки, что и у них год назад.

Этот корабль стал подлинным домом. «Родная» каюта на «Мурманске» – лишь временное пристанище. Здесь же, в Королёве, пульсировала его настоящая жизнь.

У лифтов толпилась очередь – человек двадцать курсантов и первокурсников.

– Рома! Привет! – звонкий, знакомый голос прорезал шум. Он обернулся и тут же увидел машущую ему Гузель Менажетдинову.

Среди суеты мелькнули Янис Лех Сартариас (их командир отделения), Андреа Дикамилова и Энрике Блинчик-Романовский. Извиняясь и аккуратно расталкивая окружающих, они пробились друг к другу и обменялись крепкими, радостными объятиями.

Быстро перебросившись новостями о лете и делах, друзья дождались своей очереди и втиснулись в лифт, отделанный «под тик». Королёв дышал стариной – барокко, ар-деко, ампир. Даже лифт имел отъезжающую решётчатую дверь-клетку (портье, конечно, не полагался). Недавние абитуриенты, неловко протискиваясь, вышли на второй, учебной палубе, и их восторженные возгласы донеслись вслед – декор вновь поразил их, хоть они уже успели свести с ним знакомство. Второкурсники же поднялись выше и вышли в жилом секторе.

Перед ними раскинулся длинный коридор, ведущий к просторному вестибюлю с ответвлениями в каюты и общежития. Налево – каюты офицеров-преподавателей и экипажа. Направо – четыре крыла общежитий (мужских и женских), сходящихся у центрального круглого вестибюля. Гермоставни были убраны, обзорные окна открыты в безопасную тьму космоса – никаких зловещих голограмм «Смертельно!» или «Канцерогенно!». Солнце не било в борт. Рома

подошёл к ближайшему иллюминатору, положил ладонь на гладкий «деревянный» подоконник и тихо выдохнул:

– Я дома... – в его голосе звучала глубокая уверенность.

Его чувство разделили дружным ропотом согласия. И тут со скамеек в глубине коридора донеслись ещё более знакомые голоса. Обернувшись, они увидели Наташу Коневод и Эмму Бреннан. Радостные восклицания, и группа снова сплелась в тесных, искренних объятиях.

– Здравствуй, Наташа! – Рома одарил её тёплой улыбкой.

– Здравствуй, Рома, – прозвучал в ответ её бархатный голос, который он не слышал целых два месяца.

Взгляд Ромы скользнул к Эмме Бреннан, и он не мог не отметить перемены. Девушка заметно похудела, но ещё сильнее бросался в глаза подчёркнутый спортивный рельеф её фигуры. Однако больше всего поразило лицо – оно буквально сияло.

– Прекрасно выглядишь, Эмма! – воскликнула Гузель, и Янис тут же поддержал её одобрителем кивком.

Похоже, новое впечатление от Эммы не ускользнуло ни от кого. Сама девушка, смущённо зарумянившись, благодарно улыбалась комплиментам.

– Ребята, нам всё же надо в штаб, – мягко напомнил Рома, возвращаясь к неотложному делу.

– Ещё не отметились? – уточнила Эмма. – А мы с Наташей уже доложились.

Порядок был чётким: покидая Академию имени Королёва, курсанты снимались с учёта в комендатуре, и лишь по возвращении из отпуска – будь то летнего или зимнего – вновь становились на учёт. Сегодня, 31 августа, требовалось успеть явиться до полуночи, пройти вечернее построение и поверку.

– До двенадцати ещё полно времени! – с напускной лёгкостью бросил Янис Лех.

Рома недоверчиво хохотнул – редко услышишь столь легкомысленное замечание от командира отделения.

Гузель, Андреа, Янис и Энрике согласились, что в штаб идти надо, но решили пока задержаться, чтобы поболтать с девушками, пообещав Роме, что быстро его догонят. «Да и очередь там, наверняка, приличная», – добавили они в оправдание. Рома кивнул, оставил друзей в коридоре и направился по первой палубе, ловко лавируя между шумными группами первокурсников, заряженных предвкушением новой жизни. Внезапно его окликнули:

– Рома!

Он обернулся. Наташа, немного запыхавшись, догнала его.

– Чем могу помочь тебе? – услужливо спросил парень, замечая её нерешительность и какой-то просящий взгляд.

– Вообще-то... можешь, – вздохнула Наташа, собираясь с мыслями. – Хочу попросить тебя кое о чём. Можно?

Рома насторожился, но ответил без колебаний:

– Конечно, слушаю.

– Валере... очень одиноко, – начала она осторожно. – Он совсем один в нашем взводе. И друзей... друзей, с которыми он общался бы больше, чем с вами – у него нет... – Она замолчала, будто ожидая, что Рома сам додумает её мысль. Но он молчал, давая ей договорить. – Так что... он стесняется сам попроситься... но я вижу, как ему этого хочется. Можно, чтобы он... присоединился к вашей компании?

Внутри Ромы шевельнулось гаденькое чувство – крохотное желание отомстить. Вспомнилось, как Наташа на свадьбе Фёдора и Ирмы отреагировала на его надежду увидеть Сашу. Ничего плохого она не сказала, но и тени участия, желания помочь не проявила. Тогда он просто развернулся и ушёл, оставив её с Валерой.

Теперь роли поменялись. Она стояла перед ним с просьбой, примерно в той же уязвимой позиции. И ему вдруг захотелось ответить ей тем же равнодушием. Хотя бы на мгновение. Но подавить это мимолётное чувство не составило труда – Валера ему, в общем-то, нравился. Однако оставался серьёзный камень преткновения.

– Наташа, – мягко, но веско начал Рома, – а как же Вектор? Ведь он – четвёртый в нашей компании. Ты просишь меня впустить в наш круг соперника человека, который тебя искренне любит. Тебе не кажется... что это может быть жестоко по отношению к нему?

Наташа смущённо опустила взгляд. Услышанное явно задело её и пристыдило.

– Да... – прошептала она, резко разворачиваясь. – Ты прав. Прости за глупую просьбу! Я не подумала...

И она уже засеменила прочь, бормоча что-то себе под нос, когда Рома окликнул её вновь:

– Наташ!

Она замерла, обернулась, и в её глазах читалась смесь надежды и напряжения. Рома постарался смягчить обычно сдержанное выражение лица и вложить в голос максимум тепла:

– Я поговорю с ребятами. Валера – хороший парень, мы его примем. Не как одолжение. Но... – он сделал небольшую паузу, – не жди слишком многого от Вектора.

Наташа одарила его благодарной, чуть виноватой улыбкой. Рома ответил ей тёплым кивком и, развернувшись, уверенно зашагал дальше по знакомому коридору.

Вновь на плацу

Рома миновал каюты старпомов и капитана, вступив в строгий коридор штабного крыла. Его внимание привлёк парень чуть впереди: модная стрижка со светлыми локонами на затылке и резко укороченными, более тёмными прядями ниже. «Слишком модный павлин для Академии», – мелькнула мысль у Ромы, как вдруг, на повороте, он узнал знакомые черты.

– Тамар?! – вырвалось у него радостным возгласом.

Парень обернулся, и на его лице расцвела искренняя улыбка удивления:

– Рома!

Да, это был он. Тамар. Лучший друг, дружбой с которым Рома дорожил пуще всего. Весна этого года навсегда врезалась в память стыдом: Рома втянул Тамара в смертельно опасную гонку на космолётах. Он ненавидел себя за тот поступок, считал недостойным прощения. Но Тамар простил. И эта милость, это доверие, которое Рома боялся потерять, делали их связь ещё крепче.

Мужское объятие было крепким, но кратким – в нём спрессовались и радость встречи, и невысказанная благодарность.

Обменявшись крепким рукопожатием, друзья принялись расспрашивать друг друга о делах. Непринуждённая болтовня тонула во взаимном разглядывании: новый учебный год требовал обновлённых образов. Они словно поменялись стрижками: у Ромы теперь топорщился короткий русый «ёжик», а Тамар сменил острый тёмный клинышек надо лбом на струящуюся волнами причёску «Вояж» с удлинёнными, выгоревшими до бледно-палевого мелированными кончиками.

Рома отметил про себя: все второкурсники щеголяли в гражданском – последний день свободы перед привычной формой.

– Кого-нибудь из наших уже видел? – поинтересовался Рома.

– Нет. Летел на маршрутном челноке – сплошь первокурсники, чужие лица, – ответил Тамар.

– А я на своём прилетел, – не без гордости сообщил Рома.

– Барин, – ухмыльнулся Тамар.

Внезапно на плечи обоих легли ладони. Парни синхронно обернулись и увидели улыбающегося Армавира Минасяна, направлявшегося в штаб с той же целью – доложить о прибытии.

Едва троица успела обменяться хлопками по спине и короткими приветствиями, как из двери штаба, прямо на их пути, раздался до боли знакомый голос:

– Ну, здравствуйте, мужики! – провозгласил Вектор Лесов, четвёртый и, пожалуй, самый безрассудно решительный член их компании.

Вектор был живым воплощением обманчивости первого впечатления. Внешностью – неприметный паренёк в очках (простая металлическая оправа), аккуратной бордовой рубашке, заправленной в чёрные брюки, и скромных ботинках. Типичный «ботаник» до мозга костей.

Но стоило взглянуть в его карие глаза за стёклами, уловить дерзкую искорку во взгляде и вызывающую ухмылку, как иллюзия рассыпалась. Сила духа Вектора была такой, что Рома вряд ли знал кого-то крепче. И что восхищало – эта сила не лишила его простоты и живого, почти мальчишеского задора.

– Какие мы тебе мужики? – притворно возмутился Рома. – Мы – курсанты!..

– Будущие офицеры! – парировал Тамар. – А ты, Вектор, мужик с полей!

– Ха! В вашем случае – это одно и то же! – отбрил Вектор, не моргнув глазом.

– Курсант Лесов! – Армавир попытался придать голосу командирские нотки, но получилось скорее робко, словно он пробовал глубину. – Пять нарядов вне очереди!

– Ого! Рядовой Минасян, вы сегодня не в меру дерзки! – немедленно парировал его сосед по каюте.

Армавир ответил улыбкой, но в его глазах мелькнуло тщательно скрываемое неудовольствие.

Умный, любознательный, всегда готовый помочь с теорией – будь то устройство космолёта, тонкости орбитальной механики или философский трактат. Добрый, отзывчивый, избегающий конфликтов – ему было куда сложнее, чем Роме, Тамару или Вектору, постоять за себя. Но Армавир Минасян, второй «очкарик» в компании, компенсировал это с лихвой, будучи их незаменимым тылом в любом теоретическом вопросе. Они были *четверо*. Они были друзьями. И это – нерушимый факт.

Объятия по кругу – ритуал обязательный.

– Привет, парни! – раздался новый голос.

К ним подходил Валера Незадачин. Крупный, рослый блондин, на голову возвышавшийся над всеми. Широкоплечий, с рельефом мускулов – настоящая гора. Но самым разительным был контраст во взгляде: исчезла прежняя «набыченность», искусственная броня непробиваемости. Вместо неё – открытость, даже отзывчивость, словно он, подобно жуку-рогачу, сбросил старый хитиновый панцирь и предстал обновлённым. Валера держался уверенно, но любое его движение выдавало лёгкое, вполне объяснимое смущение перед этой сплочённой группой.

– Что такое? Потерял своего дружка и стало одиноко? – мгновенно, как порох, вспыхнул Вектор.

– Предупреждаю, Вектор. Ещё одно слово... – Валера сделал шаг вперёд, его тень накрыла Вектора, в голосе зазвучала низкая, зловещая нота.

Тому только того и нужно было. Он расправил плечи, готовый принять вызов.

– И что? Что? – подначивал Вектор, жадно ловя момент для схватки. – Говори!

Их едва успели растащить друзья.

– Так, – властно вклинился Рома, вставая между ними. – Либо мы все здесь живём в мире, либо разбредаемся по углам. В наше время – только так.

Валера, с выражением внезапно найденного достоинства, сразу отступил. Вектор скорчил недовольную гримасу, но тоже отпрянул. Напряжение спало, разговор потёк в более спокойное русло.

Вчетвером (Валера ненадолго задержался) они поочередно отметились в штабе. Вектор терпеливо дождался. Затем вся компания двинулась в каптёрку. Академия гудела, как растревоженный улей. С наплывом первокурсников пространство сжалось: везде – толчея, давка. Воздух казался спёртым, словно системы жизнеобеспечения едва справлялись. Приходилось то и дело уступать дорогу, протискиваться, ловко лавировать меж людских потоков.

У лифтов выстроились нескончаемые очереди – несколько шеренг нетерпеливого люда. Курсанты второго взвода стратегической разведки без лишних слов выбрали лестницы. Но они были не одиноки: по ступеням вверх и вниз текли настоящие реки людей – группы бывших абитуриентов, сливаясь и расходясь, образовывали бурлящие человеческие потоки между палубами.

Покинув самую просторную и многолюдную первую палубу, компания спустилась по лестнице на три пролёта ниже, очутившись на четвёртой – причальной. Проходя через зал ожидания – просторный отсек-шлюз перед взлётно-посадочной площадкой – парни невольно замерли. Впереди, словно грозовая туча, маячила фигура Викторией Николаевны Жокей. Дородная, с жёсткой шапкой кудрявых волос, она поджимала губы в выражении перманентного недовольства, а её острый, всевидящий взгляд сканировал окружение. Одна из самых суровых преподавательниц Академии, а в представлении курсантов – и вообще одно из самых строгих существ во всём Флоте.

Подполковник в сопровождении молодой офицерши провожала группу бледных новичков вверх – вероятно, на ознакомительную экскурсию. Парни, как тени, скользнули мимо, стараясь не привлекать внимания въедливого педагога – её обществом они успеют «насладиться» в полной мере на занятиях. Быстро спустившись ещё на одну палубу вниз, они смогли перевести дух.

– Ну что, парни, – начал Вектор, с хитрецей оглядывая товарищей, – как провели лето? Успели исполнить клятву, данную нами в бассейне Баренцева моря?

– Я – нет, – честно признался Рома.

– А может, кто-то клятву исполнил, но с другой кандидаткой? – ответил вопросом на вопрос Армавир, поднимая бровь.

– Какая клятва? – вежливо, но с лёгким недоумением в голосе, поинтересовался Валера. Вектор мастерски проигнорировал вопрос новичка, тут же переключившись на Рому:

– Рома, ну-ка признавайся, сколько душ на твоём «Мурманске»? Три с половиной тысячи? Это ж сколько бабулек тебе бы там подошло? Ай, не отвечай. Сам знаю, что ты ухлёстывал чуть ли не за каждой! И на старуху находит проруха, чем ты, бьюсь об заклад, не преминул воспользоваться.

Рома удостоил эти плоские шуточки ленивым пренебрежением, да и парни не особенно располагаясь смотрели на демонстративное притеснение Валеры в первый же день, а потому встретили непотребные остроты Вектора вздохами безграничного снисхождения.

– Армавир, – вдруг с ухмылкой обратился к нему Тамар, выразительно ткнув пальцем в его карман, – это что у тебя там так топорщится? Или ты просто рад нас видеть?

Армавир смущённо улыбнулся и полез в карман:

– А, это... – В его руке оказался мячик, размером чуть больше теннисного.

Парни с любопытством разглядывали предмет. Рома узнал его первым:

– Резиновый баскетбольный мяч? С часами?

– Мой верный будильник на этот год, – кивнул Армавир, подбрасывая мячик на ладони.

– У меня такой же был, ещё на Земле! – оживился Рома. – Только размером с крупный грейпфрут.

– А, так этот, – оговорился Армавир, – с нововведением. Внутри мяча есть особая оплётка. Металлическая и эластичная, разумная! Если отдать голосовую команду, то под воздействием электрического тока оплётка расширится и заставит мяч сделать то же самое изнутри – то есть увеличиться в размерах. Таким образом, можно задать размер и грейпфрута, и реального баскетбольного мяча.

– А я не знал, что у нас возникнут сложности с подъёмом в этом году, – скептически проговорил Вектор.

– Ну... У меня эти сложности возникли. Стал плохо спать, – пожал плечами Армавир.

– А разве личные вещи можно проносить и хранить в Академии? – озадаченно спросил Тамар.

– Если зарегистрируешь – да.

– И что? Ты смог зарегистрировать не остро необходимое для жизни снаряжение?

– А вот тут и проявляется гениальность оплётки, – с гордостью ответил Армавир, пряча мяч обратно. – Его можно сжать так, что ни один детектор, ни одна пара глаз при досмотре не заметит, – и с этими словами они двинулись дальше.

Пятая палуба встретила их гулом очереди у каптёрки. Старшина и его помощник выдавали курсантам личную форму, вещи из хранения и стандартный набор гигиенических принадлежностей. Получив свои вещи под расписку, парни мельком заскочили в каюты, чтобы сбросить сумки, и сразу направились в оружейку.

Одним из первых приказов для вернувшегося курса была чистка личного оружия – еженедельная рутина, знакомая всем с прошлого года. Однако двухмесячный простой дал о себе

знать: автоматы требовали больше внимания, и возни с ними вышло поболее обычного. Едва закончив, парни поспешили на лифте к плацу третьей палубы – на вечернее построение и поверку.

По пути Рому настигла мысль. Нужно было предупредить Тамара о Зое и Яше – подготовить друга к неприятному известию, которое уравнивало их шансы на исполнение той самой «клятвы». Но рядом был Валера. И как бы Вектор ни ёрничал, но Незадачин и впрямь пока не был своим в их тесном кругу. Более того, его присутствие само по себе являлось препятствием для Вектора в выполнении их договора – здесь таилось самое настоящее соперничество.

Сбрасывать на Тамара эту новость как бомбу сейчас, при всех, было бы верхом бестактности. «Лучше позже, – решил Рома, ускоряя шаг вслед за остальными. – Наедине. Когда будет подходящий момент и настроение.»

На третьей палубе размещалось большинство помещений и залов спортивной кафедры и кафедры бокса и рукопашного боя. Здесь находились спортзал, бассейн, шкафут с рубкой и подсобка. От столовой на этом уровне, как дополнительная структура отходила кухня, она ответвлялась коммуникационным рукавом и «парила» в космосе, соединяясь сетью с другими такими же дополнительными модулями – всего их было четыре, в том числе библиотека, лазарет и комната досуга.

На стометровой площадке плаца, расчерченной для маршировки, в соответствии с распорядком дня проводились утренняя, и вечерняя поверки. В другие времена по необходимости площадка отводилась под спортивные игры – теннис, волейбол и баскетбол. Для важных сообщений на убираемую трибуну всходил начальник Академии генерал Виталий Сергеевич Полуненко.

Командир роты отдал команду строиться, и Янис Лех Сартариас, являясь командиром их отделения, повторил её для сокурсников. Справа от командира взвода все отделения по десять человек в каждом выстроились по росту.

– Прибыли на учёбу в Военную Академию Разведки и Тетраформирования имени Сергея Павловича Королёва! – пропели хором курсы.

– Для приёма пищи курс построен! – отчитался каждый командир взвода.

Дежурный принял рапорт – и колонна из 1283 курсантов двинулась строем к столовой, огибая плац живой змейкой.

– Зачем каждый раз? – шепнул Тамар. – Маршрут выучен, смирение усвоено.

– Сомневаются, что усвоено, – буркнул Рома.

– Аппетит нагуливаем, – едко бросил Вектор.

– Устав обязывает, – констатировал Валера.

– А Устав написан кровью, – веско вставил Армавир, шагая с тихим ропотом.

Ритуал повторялся перед каждой трапезой. Курсанты шли чётко – халтура не прощлась. Муштра напоминала: не гражданка здесь, а служба. Через подчинение и смирение – так задумывалось – ковался характер. От построения в 18:15 до шага к столам минуло четверть часа.

Долгожданные встречи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.